

О судьбе Нумерных (Петровских) казарм в Шлиссельбургской крепости «Орешек»

На протяжении 23-х лет, с 1989 по 2012 год мне посчастливилось заниматься реставрационными работами в Шлиссельбургской крепости, по мере возможности воплощая в жизнь проекты Василия Митрофановича Савкова и его преемницы Евгении Гавриловны Араповой. По ходу работ в первоначальные проектные решения вносились неизбежные поправки, связанные с вновь открывающимися особенностями построек и с их прогрессирующим разрушением.

Сделать удалось до обидного мало, как в силу объективных обстоятельств, так и в силу переменчивости сначала настроений, а затем интересов Заказчика. К сожалению, даже бесплатный в течение нескольких последних лет труд архитектора не спасал общего положения реставрационных работ.

Первое с моим участием совещание в ГМИ СПб, определившее в качестве первоочередных задач корректировку обмеров и выполнение рабочих проектов Светличной башни и Нумерных казарм состоялось в 1990 году. Отмечалась особая ценность объектов и быстрое их разрушение. Денег хватило только на заказ документации по Светличной башне, но вскоре и это финансирование иссякло. Основной производимой на Ореховом острове работой с 1989 года оставалась реставрация башни Головина и примыкающих к ней прясел. Стройка шла тяжело, медленно, с перерывами, но обеспечивала архитектурный надзор за всем, что попадало в её орбиту. Западная оконечность (крыло) Нумерных казарм как раз и вошла в зону благоустройства на участке от крепостных ворот до «Взлаза» - лестницы, ведущей на боевой ход прясла между башнями Государевой (Воротной) и Головина. Некогда, при постройке казармы эта её часть составляла отдельную захватку, вторую по времени заложения.

I. История давняя. 1717 – 1917. Возведение, первоначальный вид, перестройки.

История возведения Нумерных казарм впервые и наиболее полно описана в статье М.В. Иогансен и А.Н. Кирпичникова «Петровский Шлиссельбург» в 1974 году. А.Н. Кирпичникову реставраторы обязаны исчерпывающей подборкой графических и рукописных материалов из Русских и Шведских архивов, без которых не только что-либо восстанавливать, но и понять в крепости было бы невозможно. В упомянутой статье 1974 г. наиболее ранний проект из собрания БАН авторы датировали концом 1715 года и дали следующее описание: «Всё 170-метровое пространство вдоль северной стены между

Воротной и Светличной башнями отводилось под казармы, проектируемые в виде одного грандиозного корпуса с расположенными в ряд помещениями, которые чередовались с более узкими сенями. В основе его плана лежало характерное для регулярного строительства повторение часто встречающегося на Руси типа построек, состоявшего из двух связей, соединенных сенями. С наружной стороны к ним примыкала галерея, которая также, как и помещения, разделялась деревянным перекрытием на два этажа. Последняя являла собой типичный пример галерей-переходов, распространенных в древнерусском зодчестве. Через неё осуществлялось и освещение помещений, т.к. на галерею выходили окна и двери казарм. Между её мощными пилонами на уровне междуэтажного перекрытия был поставлен парапет из балясин. Корпус перекрывала односкатная крыша, скрывавшая выведенные «в три кирпича» своды. Последние, вероятно, обеспечивали сохранность здания в случае попадания в него ядер и бомб. Вдоль здания намечалось прорыть канал, который начинался от цитадельского рва и уходил в Неву через отверстие в прясле стены между Воротной и Головиной башнями. Его устройством не только понижался бы уровень грунтовых вод острова, но и создавался постоянный запас воды на случай пожара и осады. Возможно, что он выполнял и канализационные функции». Северной глухой стеной казарм служила крепостная стена XVI века.

Не со всеми выводами, содержащимися в статье, в т.ч. и процитированными, можно согласиться. Чередование казарменных помещений – «Нумеров» с сенями – было вызвано не секционным характером здания, а стремлением обезопасить личный состав от угара. Печи в казарме имели угловое положение и отапливались из сеней. В сенях же располагались кухонные плиты. И хайла печей, и плита на каждом этаже перекрывались вытяжными колпаками. В западной части казарм все помещения образовывали сквозные анфилады, что придавало планировке свободный характер, позволяя блокировать «нумера» между собою в зависимости от численности располагаемых подразделений. «Нумера» восточной части действительно блокировались попарно, по сторонам сеней, и блоки разделялись глухими стенами. Ближайшим аналогом и вероятным прототипом казарм являются всё же не постройки XVII века, а казематированные куртины Санкт-Петербургской крепости – также двухэтажные, с предполагавшимися к постройке вдоль валганговых фасадов галереями. Возведение здесь галерей планировали ещё в 1709 году (по сведениям С.Д. Степанова), затем подтвердили в 1732 году. Выстроены они оказались только на участке между Кронверкскими воротами и бастионом Меншикова; с 2008 года сохранившийся фрагмент наполовину раскрыт для обзора.

Сходство галерей в Санкт-Петербургской и Шлиссельбургской крепостях, устройство кухонно-отопительных узлов, очень грамотное и правильное построение ген. плана крепости на проекте 1715 года (явно по результатам инструментальной съёмки, в отличие от более ранних) – всё указывает скорее на авторство западноевропейца, чем на И.Г. Устинова, ведшего строительство с 1717 по 1719 годы.

Обращает на себя внимание то, что «нумера» изначально предусматривались двух типов: на 2 и на 4 окна по фасаду, соответственно с более тонкими и более толстыми стенами – под нагрузку от цилиндрических и от сомкнутых сводов. То, что впоследствии на стыке частей здания с разными типами перекрытия сменился авторский надзор, никак не связано с пересмотром первоначального проекта – его не пересматривали.

Канал, на подпорную стену которого ставились пилоны галереи, позволял сразу решить вопрос водоотведения от здания казарм и осушения их нижнего этажа, а кроме того, обеспечивал проточность всей водной системы острова. В неё включался также старый ров вокруг цитадели, заваленный мусором во времена шведского владычества и подлежавший очистке. Первоначальный выпуск этого рва в Неву через водные ворота закупоривался казарменным корпусом. На планах начала XIX века канал перед казармой и обозначался как «Водопроводной». Промывной канализации план казарм не предусматривал, её устройство со сбросом в городские протоки Пётр I запретил всем кроме себя, даже в Петербурге. В казарме вообще не имелось нужных мест. Грандиозная гарнизонная ретирада была выставлена на сваях в русло Невы рядом с пристанью, а для офицерских квартир и для солдат в ночное время, вероятно, полагались выносные сосуды.

Строители казарм не могли знать и учитывать систему древних (до XVI века) рвов и гаваней Орешка. Она была совершенно заброшена и засыпана в XVII столетии. На её дренирование канал действительно должен был оказать благотворное воздействие, но с вероятным ущербом для собственных стенок. Сегодня вблизи казармы предполагаемые трассы старых протоков читаются по провалам возле напольной стороны прясла между Государевой и Княжой башнями.

Проект 1715 года не был окончательным. Закладке казармы должен был предшествовать ещё один вариант, по которому её и строили, в несколько приёмов, но по единому плану. Авторы статьи 1974г. полагали иначе: «Возведение грандиозного каменного корпуса у северной стены началось летом 1717г. с закладки «двух казарм» на участке к востоку от Воротной башни. К концу же сезона отступили от первоначального замысла и стали возводить здание в сторону Головиной башни. В новой части вмещалось четыре казармы (по две в каждом этаже с сенями между ними и одним помещением над

воротами). Шов перевязки этой части к уже построенной хорошо виден...» Упомянутая стена старейшей части казармы со следами примыкания части, построенной по якобы измененному проекту, простояла до 2005 года, когда оказалась на 2/3 разрушена в результате бессмысленных действий неустановленных лиц. В настоящее время она полностью восстановлена с обозначением всех конструктивных элементов и сохранявшимися на ней следами перестроек. В нижней аутентичной части имеется первоначальное хайло для топки печи в соседнем каземате. В верхней части воссоздана ниша, представлявшая собою отступ для проектировавшейся здесь некогда печи. Эти детали не могли находиться на фасаде, а значит, при закладке казармы к востоку от ворот уже намечалось строительство крыла к западу от них.

Вся часть казарменного корпуса с «нумерами» в два окна была вчерне завершена к 1719 году, когда перед ней начали строить галерею. Характерно, что строительство велось по русской технологии: сначала возводились, перекрывались и даже обживались нижние этажи – «жилья», затем над ними поднимали верхние. Как показало натурное обследование, при этом на уровне междуэтажного перекрытия закладывались в поперечные стены бревенчатые связи, впоследствии выгнившие и ослабившие постройку. Стальные связи – затяжки из кованой полосы с анкерами в виде проушин с клиньями вкладывались только на уровне чердака над поперечными подпружными арками галереи и соседними с ними дверными проёмами внутренних стен. При разборке галереи в 1882 году эти связи перерубили, и ампутированные фрагменты попали в засыпку Водопроводного канала.

С 1719 года на стройке работал другой подрядчик, и это проявилось в изменении конструкции дверных перемычек вновь возводимых «нумеров» на 4 окна. В остальном, ни смена подрядчика, ни перепоручение надзора с 1722 года самому Д. Трезини на приемах строительства не отразились. Фундаменты под стены казармы закладывались ленточные, во рвах с шириной «по чертежу» и глубиной «до крепкой земли смотря по месту в полторы и две сажени». Рекомендованная глубина соблюдалась неохотно. «Крепкую землю» строители находили выше. Так, при археологическом обследовании 2018 г. (П.Е. Сорокин) были обнаружены лежни, уложенные поперек засыпанного цитадельского рва для заделки водных ворот в ходе возведения казармы. Их поверхность находится на отм. 5,35 м БСК, т.е. на глубине одной сажени и трёх вершков от обреза фундамента и на 0,45 м выше уровня воды в Ладоге во время обследования. Фундамент попадавшей в тот же ров поперечной стены на оси 21 («Восточного фасада» по проектам реставрации 1971-2018 гг.) до её обрушения прослеживался на глубину 8 футов (2,45 м) от обреза, но глубже обследован не был. Подошва фундамента стены на оси 5, вскрытая

шурфом № 1 в 2018 году показала глубину заложения всего на два и одну треть аршина, правда, на толстой подушке известково-песчаного раствора, до конца не пройденной. По всей видимости, глубина рва под этот фундамент составляла одну сажень ровно.

Что касается фундамента Южной фасадной стены и наиболее рискованного фундамента пилонов аркады, одновременно являющегося подпорной стенкой Водопроводного канала, то чертеж Н. Людвига, сделанный в 1737 году и по ряду признаков представляющий собою копию с проекта 1715-1717 гг., показывает их подошвы в одном горизонте, на глубине в 10 футов, с единой платформой из валунов и без лежней. Подобное решение, безусловно, было бы правильным, но известно, что стройка велась иначе, и фундамент аркады закладывался вслед за фундаментом фасадной стены. Очевидно, что погружать фундамент аркады глубже было опасно и, быть может, неслучайно на том же чертеже Н. Людвига противоположная безопасно расположенная стенка канала имеет большую глубину заложения – 2 сажени (14 футов). В 2018 году ни до подошвы фасадной стены, ни до подошв подпорных стенок археологи не добрались. При раскопках 1966 г. их также не достигли, но в проекте 1971 г. глубина подошвы фундамента аркады принята на отм. 3,30 -3,35 БСК, т.е. приблизительно в двух сажнях от обреза (7,64 – 7,66 БСК). Пояснений этому не дано, но на такой отметке чертеж Людвига показывает и дно канала с замечанием, что глубина воды составляет 5 футов, причем вычисляемый горизонт воды в Ладоге 1737-1739 гг. странно соответствует существующему в последние годы (4,8 - 4,9 БСК).

Конечный результат строительства, завершеного в 1728 году с достаточной для реставрации полнотой выявляется при сличении чертежей работы Н. Людвига 1737-1739 гг., поэтажных планов 1740 г., отчетных чертежей о годовых работах 1800-1858 гг., обмеров института «Ленпроект» 1966-1967 гг. и натурального ознакомления с оставшимися руинами. План 1-го этажа 1737 года, особенно ценный, т.к. содержит отчет об осуществленных работах, и план 1-го этажа 1740 года – оба игнорируют такие детали, как печи и лестницы. Присутствует сквозная анфиладная связь всех «номеров» казармы. (Первоначальный счёт «номеров», т.е. собственно казарм - дормиториумов, шел с Запада на восток и снизу вверх в каждом шаге поперечных стен, впоследствии система счета изменялась. В настоящем описании принята первоначальная). В корпус казарм позади фасадной галереи вдавались две лоджии: для воротного проезда перед Государевой башней и над бывшим рвом цитадели возле Светличной башни. План 2-го этажа 1740 года интереснее. На нем показаны печи в углах казарм и кухонные плиты во всех сенях, кроме сеней, через которые имеется проход к башне Меншикова (Княжой). Как и на первом этаже, помимо основного прохода по галерее все «номера» получили сквозную

анфиладную связь – в отличие от проекта 1715 г. Натурное обследование и обмеры 1966 – 1967 гг. показывают, что проёмы в первоначально глухих стенах действительно были пробиты на месте существовавших здесь стальных шкафов. По фасаду над лоджиями первого этажа, план второго этажа также фиксирует лоджии. В восточной лоджии возле стены Светличной башни показана единственная на всё здание деревянная одномаршевая лестница. Вероятно, что для нужд казармы использовались старые лестницы внутри башен, Государевой и Меншикова.

Профиль казарм, даваемый Н. Людвигом и фиксационные чертежи 1800 -1802 гг. позволяют придать объём изображениям планов и рассмотреть в деталях фасады и интерьеры XVIII века.

Главный фасад казарм представлял собою величественную аркаду с более широкими пролетами напротив «номеров» в два окна и напротив Светличной башни и с более узкими - напротив «номеров» в четыре окна (по две арки напротив каждого) напротив сеней и над проездом у Государевой башни. Стилобатом аркады служила наклонная подпорная стенка набережной канала, сложенная из крупных блоков путиловского известняка и завершающаяся полувалом кордона. Пилоны аркады стояли на самой кромке стенки. Их основания имели кирпичный цоколь, выступающий на 3 см внутрь галереи и на 14,5 см в сторону канала. Такой же высоты цоколь имели фасадная стена позади аркады и глухой парапет первого этажа галереи. Парапет был сложен в два кирпича толщиной, вблизи внутренней поверхности пилонов. (чертеж 1800 г.). Как и на пилонах цоколь парапета выступал в галерею на 3см и на 13 по фасаду. В ходе археологического обследования 2018 года (шурф №2 на оси 9) была обнаружена ещё одна деталь галереи ранее оставшаяся незамеченной на чертежах 1800 годов. С внутренней стороны к пилону (или к пилонам (?)) примыкала кирпичная скамья. Наружная поверхность стены аркады была совершенно гладкой и завершалась невысоким карнизом, в профилировке которого приходится или доверять чертежу Н. Людвига или попытаться найти след примыкания на стене цитадели. Единственным декоративным элементом аркады была балюстрада ограждения второго этажа, установленная по краю перекрытия в глубине арок на расстоянии 20 см от внутренней поверхности пилонов. Поскольку в 1719 году галерею всей готовой части здания оградили с помощью 200 балясин, то получается порядка 20 балясин в широких арках, 13 – в узких и 8 – в торце галереи. При такой плотности установки это скорее всего были так называемые «балясы малой руки», самое большое вершка 2 в диаметре, подобные той, что нашли в 1993 году при раскопках в Невской куртине Санкт-Петербургской крепости или тем, что стоят на её Флагшточной башне. Чертеж 1803 года – последний, на

котором галерея ограждена балюстрадой. Как и на чертежах предыдущих лет балясины представлены очень массивными. Их число в широких арках от 10 до 13 с шагом около полуметра, так что приходится давать поправку на небольшой масштаб и условность изображения. Лист 1800 года ценен тем, что показывает помимо балясин тумбы возле пилонов, без чего красиво вписать балюстрады под перемычки широких арок с низкими пятами действительно трудно.

Стена здания в глубине галереи, собственно ограждающая фасадная стена, по осям пилонов аркады расчленялась лопатками. Вместе с парными лопатками пилонов они переходили в подпружные арки сводов. Между этажами стена, включая лопатки, сохраняет по фасаду полку в 11 см. Положение полки совпадает с верхом гнезд для балок междуэтажного перекрытия галереи и с нижней поверхностью дощатого настила пола.

Оконные и дверные проемы согласно всей графике имели коробовые очертания. К 1980-2000 гг. для обследования остались доступны только оконные проемы в восточной части здания с «нумерами» в 4 окна и толстыми стенами. Их расчистка и выявление произведенных в XIX веке подтесок позволяют обнаружить идентичность построения проемов с таковыми же в Санкт-Петербургской крепости. План проема представляет собой две трапеции, обращенные друг к другу одинаковыми короткими основаниями на удалении в один кирпич и связанные прямоугольным просветом так, что снаружи и внутри остаются одинаковые четверти в 11 см. Никаких пазов для оконных колод (коробок) первоначально не имелось. Наоборот, колоды могли подтесывать под откосы. Окна второго этажа были чуть выше окон первого. Ни одного оконного проема в части казарм с тонкими стенами к началу XXI века не сохранилось; восстановленные возле Государевой башни фрагменты пришлось реконструировать не по лицевому, а по внутреннему ряду кладки проема первого этажа, сохранившему направление откоса и глубину внутренней ниши. Четверти, размеры и очертания проемов в свету были приняты едиными для всего фасада. Дверные проемы входов сеней по иконографии представлены шире, но не выше оконных. Последнее обстоятельство связано с необходимостью открывать двери под полуциркульной перемычкой внутрь помещения. Фотоснимки Карла Буллы, запечатлевшие проёмы второго этажа, переделанные в окна, показывают их перемычки ниже, а ширину меньше, чем у первоначальных оконных проёмов. Судя по внешнему контуру утраченной перемычки также выглядел и единственный сохранившийся к 2020 году проём первого этажа восточных сеней. Все входные проёмы первого этажа были растёсаны вдвое в 1882 году, и поэтому точное определение конфигурации их начальных планов станет возможной только после откопки оснований откосов из-под завалов. Расчищенный в 2001 году и

законсервированный проем первых от Запада сеней смещен с их оси на величину кирпича, не отличается по ширине от внутренних проемов, и предназначен под навеску однопольной двери. Толщина его четвертей - 1,5 кирпича, они расположены заподлицо с фасадом, дверь открывалась внутрь. Остальные дверные проемы, судя по чертежам начала XIX века, были устроены аналогично, но были шире, с двупольными заполнениями – щитовыми, дощатыми, без коробок, на поставах, как и практиковалось в постройках утилитарного назначения начала XVIII века (черт. 1801 г.).

Оконные заполнения XVIII века на чертежи не нанесены, но учитывая один и тот же тип проемов, одну ведомственную принадлежность, общих авторов и, вероятно, общих исполнителей, можно предположить их тождество с заполнениями Санкт-Петербургской крепости. Скорее всего, наружные ниши и четверти предназначались для навески ставен, однако, в проемах Санкт-Петербургской крепости их найти не удалось. В Шлиссельбурге ставни были навешены в здании Монетного Двора – напротив Нумерных казарм, одного с ними времени постройки и архитектуры. На чертеже XIX века они показаны дощатыми, однопольными на поставах и жиковинах.

Очевидно, что фасады казарм были оштукатурены и окрашены, но цвет окраски на сегодняшний день неизвестен. Могла применяться и просто цемяночная штукатурка, без окраски – кирпич в изобилии выжигали тут же, на правом берегу Невы. В XIX веке до 1844 года фасады красили охрой, а после серой известью, выбеливая своды галереи и откосы проемов. Кровлю с XVIII века красили черлядью.

Фасад казарм дополняли Водопроводной канал и переброшенные через него мосты. До нашего времени дошел старейший из них – напротив Государевой (Воротной) башни, обнаруженный против всяких ожиданий в ходе реставрационных работ 2012 года. Он был найден в, на удивление, сохранном состоянии и закрыт защитным коробом.

Ко времени окончания постройки казарм число мостов достигало трех, в соответствии с первоначальным проектом. Они располагались напротив Государевой, Меншиковой и Светличной башен – там, где в казармах существовали лестницы. В 1737 году были выстроены ещё два моста – уже «5 сводов чрез канал» значились «исполнены вновь и починкою», все они сохранялись вплоть до засыпки канала в 1882 году.

Кровля казарм первоначально была односкатной. Конек располагался на уровне подоконников аркады боевого хода крепостной стены, оставляя открытыми её проемы. Это обуславливалось требованиями фортификации, но возможно, что валганги крепости служили Петру Великому и прогулочным маршрутом. Как известно, он ценил виды, открывавшиеся с Колокольной башни, специально для этого оборудованной смотровым ярусом – бельведером. Пазухи сводов казарм были забучены, не оставляя

вентилируемого чердачного пространства под очень пологой (6°) кровлей. Исключение составлял только свод над проездом к Государевой башне. Поскольку на протяжении всего XVIII столетия кровлю крыли гонтом, чтобы он меньше гнил, в 1784 году её крутизну увеличили, объединив конек казарм с коньком боевого хода. Это не дало желаемого результата, и в 1800 году всю крышу переделали радикально. Строение получило вид почти готический, с двускатной кровлей, перекрывавшей и казармы, и крепостную стену, а по высоте превосходившей каменную часть фасада.

Разрезы казарм дают представление об устройстве полов её первого этажа и междуэтажного перекрытия. На профиле 1737-1739 гг. работы Н. Людвига в первом этаже и «номер», и галерея перед ним имеют одинаковые дощатые по лагам полы на единой отметке. Во время проведения работ в 2000 – 2001 гг. в «номере» 1 было вскрыто двухслойное мощение кирпичом плашмя с отметкой поверхности 8,23 БСК. Первоначальная отметка порогов дверных проемов здесь же составляла 8,14 – 8,15. Мощение покрывало их в один слой, и трудно сказать, было ли оно первоначальным. В 1793 году упоминается, что оно ветхо, и, что помещение прежде было складом шанцевого инструмента. Между тем здесь имелась печь постройки 1717 года и, значит, изначально каземат был жилым. Жить на кирпичных полах в Санкт-Петербургской губернии и неуютно, и неопытно: кирпич холоден, крошится, плохо сохнет – лишний раз не помоешь. В обитаемых помещениях он мог присутствовать в сенях – возле плит и печных топок, в дверных проемах и в караулках – чтобы не спали. Найденные в 1966 году вымостки кирпичом на ребро имели отметку 8,18 БСК, отметка обреза первоначального цоколя фасада составляет 8,19. Вероятно, такова была и отметка дощатых полов в жилых «номерах». Полы настилались по балкам, уложенным на полки стен шириною в 20 см. Их отметка в «номере» 1 составляет 7,81 БСК, отметка обреза фундамента 7,59, т.е. в казематах, вероятно, имелось подполье. К сожалению, в ходе археологического обследования в 2018 году первоначальная конструкция полов так и не была вскрыта и уточнена. Возможно, что она варьировалась сообразно предназначения помещений. Галерея в нижнем этаже, благодаря прикрывавшему её по фасаду глухому парапету сначала имела мощение кирпичом на отм. 7,94 БСК, вскрытое в 1966 году, но к 1730 годам также получила дощатый пол по лагам, чтобы уменьшить высоту ступеней на входах в сени (?) Чистовая отметка могла составлять около 8,03 БСК. В середине XVIII века пол галереи замостили «бутовой плитой» - необработанной лещадью. В 1790г., а затем в 1803 г. «плитный пол поновляли с расщебенкой и заливкой известью». В 1820 г. галерею замостили обработанной лещадной плитой, подняв отметку поверхности.

Междуэтажные перекрытия на чертеже Людвига также показаны с долей условности: балочные и в «нумере», и в галерее, с дощатыми полами и подшивкой потолков, на одинаковых отметках. Чертежи 1800 – 1802 гг. сообщают больше подробностей. В сенях, на небольшом пролете, как и в галерее полы и потолки находились на одинаковых отметках. На ремонтном чертеже 1821 года видно даже расположение балок в галерее. Между пилонами аркады в гнезда на их внутренних углах были установлены прогоны, и на эти прогоны укладывались балки, заведенные другим концом в фасадную стену – по одной балке в узких арках, по две - в широких. Одна – две балки устанавливались между лопатками на пилонах и стене. Казалось бы, при такой системе прогоны должны были бы выступать из плоскости потолка, но ни на одном чертеже это не показано. Части сеней, примыкавшие к крепостной стене, отведенные под кухни и топку печей, перекрывались одинаковым образом над обоими этажами: сени перегораживала низкая коробовая арка. Такая же арка возводилась вплотную к крепостной стене. Очертания арок «Устиновской» и «Трезиниевской» частей здания были различны. На арки опирались пяты цилиндрического свода. Свод служил вытяжным колпаком. Свод первого этажа, кроме того, нёс на себе кухонную плиту второго этажа.

В «нумерах» несущие балки перекрытия располагались открыто. Поперек них сверху настилались доски потолка, затем по осям балок укладывались лаги, а на них – доски пола. Трудно сказать, какая цель преследовалась подобным устройством. На чертежах при небольшом масштабе изображения лаги имеют то же сечение, что и несущие балки. Можно было бы полагать, что таким образом старались усилить конструкцию при довольно значительном пролете (7 – 7,75 м), однако, натурные следы показывают, что высота лаг вряд ли превышала 12 - 13 см. Кроме того, чтобы перекрытие работало совместно и не расщелилось, требовалось, как минимум, стянуть балки и лаги между собой, если не болтами, то скобами, пропущенными через потолок. Балки располагались по короткому пролету. В «нумерах» под цилиндрическими сводами они заводились в гнезда поперечных стен, в казематах под сомкнутыми сводами – в гнезда продольных, здесь настилы имели дополнительное опирание на полку фасадной стены. Бóльшая толщина конструкции перекрытия в «нумерах» достигалась за счет подъема полов второго этажа, и вследствие этого на входах из сеней возникали пороги высотой 15-20 см.

Все своды, перекрывавшие помещения второго этажа – цилиндрические, сомкнутые и крестовые, также как и распалубки над проемами – имели трехцентровые направляющие. «Нумера» в два окна перекрывались цилиндрическими сводами

перпендикулярно к фасаду, «нумера» в четыре окна – сомкнутыми сводами. Сени во входной зоне (вне кухонной) были перекрыты крестовыми сводами. Подпружные арки галереи имели полуциркульные очертания, крестовые своды между ними оставили на стене следы коробовых направляющих.

К ещё сохраняющимся элементам интерьеров относятся поставцы или печуры – нишенные стенные шкафы (доступны для осмотра два – в «нумерах» 16 и 24 второго этажа). Они определенно имелись во всех «нумерах» с сомкнутыми сводами в разделявших их первоначально глухих стенах. В стене между №24 и №26 их было два: в №24 – на оси анфилады, в №26 – симметрично расположенный возле крепостной стены. На месте «анфиладного», как упоминалось, затем пробили дверной проем. В стенах между №16 и №18(ось 13), между №20 и №22(ось 16) таковых поставцов было 4, по два с каждой стороны. Видимо, опасаясь ослабить своды, поставцы сдвинули к центру стены. В № 16 над обоими поставцами устроили общую распалубку. Впоследствии при пробивке в стене дверного проёма южные поставцы возле фасадной стены наполовину заложили, а пята распалубки в №16 сильно подтесали, поскольку проем захотели получить непременно на оси, общей для всей анфилады. В той же стене (ось 13) поставец существовал и в первом этаже, его преобразовали в дверь в 1806 году.

Подобные стенные шкафы присутствуют во многих казематах Санкт-Петербургской крепости, но Шлиссельбургские отличаются от них упрощенным исполнением. В доступных для осмотра местах – это просто ниши, без четвертей и поставов для навески дверец. Возможно, что при более тщательном обследовании и при раскрытии замурованных поставцов удастся полнее представить их устройство и характер использования.

Внутренние дверные проемы «номеров» в 2 и 4 окна при одинаковой ширине в свету, одинаковых в плане четвертях и углах разворота откосов имели разные перемычки. В двухоконных «нумерах» поверх коробовой арки проема, под сводом ниш четверть имела горизонтальную клинчатую перемычку, и дверь была прямоугольной. В четырех – оконных «нумерах» над четвертью, повторявшей абрис проема, свод ниши приподнимался, образуя серповидный люнет – здесь дверь имела криволинейный верх. Дверные полотна навешивались на поставы и колод (коробок) не имели. Во всех доступных для осмотра проемах сохранились либо сами поставы, либо гнезда от них. На профиле казармы работы Н. Людвиг любовно изображены дощатые щитовые двери на жиковинах, пробитые рядами гвоздей с широкими шляпками (шлюпочных заклепок?).

На этом же чертеже можно рассмотреть и печи, располагавшиеся в углах «номеров». Этот предмет в силу большей сложности своего устройства представлен не

столько условно, сколько в стремлении наиболее полно его охарактеризовать. Судя по сохраняющимся в стенах отступам, хайлам, топочным отверстиям и дымоходам печи в обоих этажах были одинаковыми, причем их дымоходы были скрыты в стенах. На чертеже дымоходы даны в разрезе, печь первого этажа показана одноярусной с большим проемом под коробовой перемычкой, а печь второго этажа – двухярусной, на арочных опечках и с арочным отверстием или нишей в верхнем ярусе. При сопоставлении с натурой напрашивается мысль, что внизу представлена печь со стороны хайла, выходящего в сени, а наверху – вид печи в отопляемом помещении. Здесь присутствует только одна неувязка: основание действительно большого, в размер окна, хайла находилось на уровне верха опечков, а не у пола. Сама печь представляла собою вариант русской печи: однокамерная, большого размера, по-видимому, без оборотов и с трубой над топочным отверстием. Ниша в её верхней части, вероятно, служила сушилкой или духовым шкафом.

Из исторической справки Г.П. Игнатъевой известно, что печь «для образца» была поставлена в 1717 году в казарме, смежной с Воротной башней – в будущем «номере 5» рядом со стеной на оси 5. Свод её хайла, топочное отверстие и дымоход вычинены и прикрыты закладками во время реставрационных работ 2012 года. Вплоть до 2018 года сохранялся и фундамент печи. Теперь его не стало, но можно осмотреть такой же среди недоконсервированных остатков «номера 1» перед порталом «Взлаза» на крепостную стену.

Чертеж 1800 года помимо сведений о первоначальных архитектурных особенностях здания запечатлел и черты его оформившегося мрачного назначения. В западной части казармы с 5 по 12 «номер» на плане и разрезе показаны недостающие до вершины сводов перегородки с брусчатыми угловыми стойками и обвязками по верху и низу, между которыми набрано вертикальное, вероятно решетчатое – из брусков – заполнение. В большей части этих «манежиков» дополнительно выгорожена санитарная кабинка возле глухой северной стены. Устройство последних началось в первой половине 1790-х годов. Стенки кабинок были непрозрачны, но в тех, что ограничивали «манежики», имелись остекленные окошки. Печи и входные двери казематов находились вне «манежиков». Зафиксированы узилища, опустевшие в начале царствования Павла Петровича, но вскоре вновь востребованные и обновляемые. Вся восточная часть казарм по второму этажу находится в процессе перепланировки: её делят на аналогичные двухкомнатные секции – на камеры с помещением для охраны. В каждой комнате по одному наружному проему, если помещение удалено от сеней, то в прихожую (караульную) пробивают дверь с галереи. Перегородки в этой части здания выводят глухими и до сводов, чтобы

полностью изолировать арестантов – зато не нужны сан. кабинки. Двери камер, как положено, с окошками, окна – с решетками: два прута вертикальных, четыре – горизонтальных. Всюду переключают печи так, чтобы топка находилась в прихожей. Там, где печи сдвигаются с первоначальных мест, для них вырубает дымоходы в крепостной стене. По примыканию дымоходов к печам, сохранившим первоначальное положение, видно, что по всем казармам их уже переделали в обычные русские с топкой из отапливаемого помещения. Вероятно, это произошло между 1740 и 1762 годами (судя по упоминавшемуся плану и инструкции гр. Н.И. Панина от 1762 г.). Переделка печей позволила увеличить размеры кухонных плит в сенях, появилась новая плита в сенях с проходом к башне Меншикова.

Чертеж 1800 года впервые показывает старую лестницу-стремянку в лоджии Воротного проезда возле Государевой башни (к 1818 году «ветхую»). «Нумер 1" от Запада, овеянный наиболее тягостными воспоминаниями, связанными со смертью императора Иоанна Антоновича, капитально обновляется: меняются междуэтажные перекрытия, полы первого этажа, переключаются печи.

Ремонтные работы следующего 1801 года исполнили последние распоряжения эпохи императора Павла I. Спрямили стену внутри галереи возле цитадели обмуровав Светличную башню, все двери по фасаду выкрасили в цвета Мальтийского ордена - прием прочно вошедший в обиход наступавшего столетия. Солидную часть Водопроводного канала перед домом Коменданта перекрыли деревянным настилом и устроили здесь разводную площадку – «фронт». Явно по указанию свыше начали готовиться к встрече столетней годовщины отвоевания крепости: в номерах 13 и 15 (единый №5 в описи 1794 г.) заново отделяют домовую церковь, освященную во имя Апостола Филиппа, на чей день памяти пришлась капитуляция шведского гарнизона. Для этого потребовалось уничтожить две только что отстроенные камеры во втором этаже и заменить междуэтажное перекрытие в осях 12-13. Высоту первого этажа, где размещалась церковь, увеличили, подняв подшитый по нижнему канту балок потолок на отметку порога дверного проема во втором этаже, где, соответственно, поднялись полы не только в «нумере 16», но и в сенях. Растесали оконные проемы церковного зала, подняв их перемычки. Над церковью сохранялось неразгороженное помещение, впоследствии используемое как цейхгауз. В церковном зале заменены полы, окрашены в зеленый цвет стены, поставлена новая угловая печь, судя по разрезам 1801 и 1853 гг. – в стилистике 1790-х -1810-х годов – кафельная, с креповками, двумя карнизами - дорогая. Ризница и квартира священника были размещены к Западу от церкви, через сени, в №13. Это было неудобно, и в 1806 году их перенесли в №17, пробив позади иконостаса дверь

на месте старого стенного шкафа. Здесь впервые подняли уровень полов, подведя под них лаги, мауэрлаты и стулья. С замощением галереи камнем под отметку старых деревянных полов здание начало вращаться в культурный слой и, вероятно, сыреть.

В ходе ремонтов 1812 -1813 гг. была вычищена набережная напротив казарм и мосты канала, вместо балясин на верхней галерее и глухих парапетов на нижней установили деревянные ограждения из стоек с прожилинами и поручнями, в торце галереи под стеной цитадели устроили нужное место. В 1814 году появилась возможность перекрыть кровлю железными листами, поэтому стропила переделали, вернув казармам профиль второй половины XVIII века. К 1816 году крепость была выведена из перечня оборонительных сооружений и стала тюремным замком. Для лучшего обзора его периметра решили разобрать верхние ярусы башен и боевой ход стен. Это выполнили всюду, кроме прясел, к которым примыкала казарма: было жаль только что сделанной кровли. Однако, в 1820 году её все-таки разобрали, вернувшись к профилю первой половины XVIII века.

В целом период 1812 – 1823 гг. – последний, когда заботились об эстетическом виде казарм. В 1818 году была переделана лестница возле Государевой башни – вместо простой стремянки появилось двухмаршевое деревянное сооружение на колоннах и арках. В «нумерах» назрела необходимость замены междуэтажных перекрытий – чтобы не разбивать стен и приподнять потолки первого этажа прибегли к установке коротких балок, подшитых сверху и снизу, по прогонам. Прогонны уложили на деревянные дорические колоннады. В 1820 г. замостили лещадной путиловской плитой нижний ярус галереи и подвели каменный цоколь под её внутреннюю (фасадную) стену. Во входных проемах появились двухслойные дверные заполнения, лоджию возле Светличной башни в первом этаже застроили, а перед нею, между пилонов галереи устроили новую лестницу в три марша.

Во время царствования Николая I казармы не претерпели существенных изменений, их ремонты приобрели сугубо утилитарный характер: пробивались новые входные двери на месте окон, в 1830 г. окна получили «двойные», т.е. отдельные двухслойные рамы. Их коробки устанавливали во внутренней и наружной оконных нишах с подтеской старых четвертей. К 1844 г. внутренняя стена галереи (фасадная) полностью закрыла лоджию возле Светличной башни, под пилоны галереи подвели каменный цоколь. В 1849 году вновь вычистили набережную канала, теперь со стороны казарм. Чертеж за 1852 год содержит интересную подробность. Второй этаж над «номером 1» помимо двери, обитой железом, со смотровым окошком оборудован решетчатой перегородкой, правда,

деревянной, но вполне предвосхищающей решетки будущего «Зверинца», а возможно, - наследующей перегородки, попавшие на чертеж 1800 года.

Последние планы казарм времени Николая I дают представление об их «наполнении». По первому этажу к западу от ворот находились: в №1 – такелажная, затем сени с кухней и в №2 – жилище матросов. К востоку от ворот №5 занимала караульная; далее до сеней церкви располагалась квартира плац-майора (№№ 7; 9; 11 ; 13); за церковью (№ 15) – (№ 17) - жертвенник, ризница и сторожка с подсобными чуланами и выходом в сени, за сенями – лазарет «для лекаря и болевающих» (№ 19); далее – обер-офицерские покои № 21, № 23 и половина № 25 (вероятно, здесь было дозволено окончить свои дни В. Лукасиньскому). Вторая половина № 25 и № 27 – казармы надзорной команды и в бывшей лоджии надо рвом – кухня надзорной команды с проходом внутрь Светличной башни.

Ко второму этажу экспликация немногословна. Над церковью обозначен цейхгауз, все остальные помещения - традиционно двухчастные, перемежающиеся с сенями, обозначены под номерами (по обновленной нумерации – с 1 по 19). Судя по разрезу, показывающему дверь с окошком, это караульные помещения и камеры – за глухими перегородками, с лежанками на русской печи, т.е. не средневекового и не в стиле французской революции вида, за исключением уже упомянутого №1 с деревянной решеткой. Как известно, самые досадившие правительству гос. преступники содержались не здесь.

Во времена царствования Александра II казармы в общих чертах сохранили фасады и конструктивные решения Петровских времен.

Радикальные изменения последовали в 1882 году: был засыпан канал перед казармами, сломана галерея, устроен новый карниз на обнажившейся фасадной стене. Внутри «старые лестницы по всему зданию разобраны и сложены вновь». Их общее число достигло пяти. Была переделана в камне деревянная лестница возле ворот, убрана внутрь здания из разобранной галереи лестница возле Светличной башни. Совершенно новые лестницы устроили в церковных сенях, в сенях перед проходом к Меншиковой башне, разобранной ещё в 1816 году, и в крайних восточных сенях казарм. Все лестницы имели консольные ступени из путиловского известняка, подхваченные косоуром из полосовой стали. На площадках второго этажа под старыми вытяжными колпаками разместили разделенные перегородкой туалеты на два места. В 1885 году помещения казарм были вновь отделаны и приспособлены для размещения 200 нижних чинов Шлиссельбургского жандармского управления, холостых и семейных. Политическая тюрьма, упраздненная в 1870 году, возродилась после убийства Александра II.

В 1907 г. по результатам уголовных проявлений I русской революции вновь упраздненную политическую тюрьму сменил каторжный централ. Число заключенных резко возросло, и часть казарм под цилиндрическими сводами к востоку от ворот преобразовали в общие камеры по американскому образцу, со сквозным коридором для надзирателей вдоль старой анфилады через «нумера», перегороженные решетками от пола до потолка – «Зверинец». В ходе модернизации все здание «первого тюремного корпуса» получило новое междуэтажное перекрытие в виде бетонных сводиков с кирпичным наполнителем по стальным балкам и асфальтовые полы – в первом этаже по грунту и стяжкам. В 1908 г. часть корпуса от ворот до цитадели была надстроена третьим этажом с тюремным лазаретом.

II. История недавняя. 1917 – 2017. Разрушение и попытки ему препятствовать.

2 марта 1917 г. пришедшая по льду с «Русских пороховых заводов» колонна революционных трудящихся выпустила на волю всё содержимое тюрьмы и подожгла постройки крепости. С первой попытки поджог не получился и его повторили. В казармах удалось уничтожить кровлю, койки, столы и заполнения проемов; вплоть до Второй Мировой войны она не восстанавливалась. Обстрелы и бомбардировки 1941-1943 гг. разрушили на 60% третий этаж, приблизительно на 30% - фасадную стену и на 30% - своды. Повреждена оказалась преимущественно западная часть «Нумерных казарм» под цилиндрическими сводами. Помещения восточной части под сомкнутыми сводами получили только несколько пробоин по фасаду при 80% сохранности сводов. Без всякой консервации, но и без значительного развития повреждений здание дожило до конца 1960-х гг.

В 1966-1967гг. сотрудниками 9-й мастерской института «Ленпроект» под руководством главного архитектора проекта Василия Митрофановича Савкова был выполнен архитектурно – археологический обмер казарм, а к 1971 году – эскизный проект реставрации. Предлагалось наиболее сохранную и выдающуюся по архитектурным достоинствам часть здания с сомкнутыми сводами и крайним восточным пролетом под цилиндрическими сводами восстановить по состоянию на первую половину XVIII века, с галереей, а четыре пролета далее к Западу, до ворот крепости – по состоянию на 1906 -1907 гг., отдавая дань периоду существования казарм в роли «Зверинца», последние обитатели которого были ещё живы.

Ради возможности показать уникальные особенности крепости XVI века – крытый «Взлаз» на стену, южный фасад Государевой башни с грузовыми проемами и наружным

подъемником для их обслуживания, водные ворота «базы» русского флота XVI века и Светличную башню цитадели – было решено пожертвовать двумя фрагментами казарм: перед Государевой башней и к западу от неё, а также возле цитадели на ширину водяного рва XVI века. Какой-либо консервации остатков или следов сносимых частей казарм не предполагалось. Русло канала перед зданием подлежало расчистке на всем протяжении с тем, чтобы вернуть проточность внутренней водной системе крепости. Перед частью фасада, восстанавливаемой на период «Зверинца», канал пропускался в трубе. Проект получил всеобщее одобрение, и первая половина 1970-х гг. прошла в ожидании его скорого осуществления, поскольку предыдущие два десятилетия ознаменовались рядом масштабных реставрационных работ на фортификационных памятниках, как Северо-Запада России, так и её глубинных областей. В Шлиссельбургской крепости удалось осуществить титанический труд по разборке и вывозу послевоенных завалов строительного мусора, перемешанного с грунтом земляных брустверов XVIII века и снарядами недавней войны. Одновременно в 1970 году осуществили демонтажную часть работ, затем подтвержденную проектом: разобрали восточную и западную оконечности казарм, аварийно-опасные участки третьего этажа. Перед водными воротами и примыкавшими к ним двумя пролетами казарм наполовину откопали канал. После этого в условиях плановой экономики и наличия только крупных строительных организаций размах работ в крепости неожиданно резко свернулся. Ни одно СМУ даже за щедро выделяемые государством деньги не желало связываться со строительством на острове. Реставрационное начинание постепенно лишалось людей, своей энергией и авторитетом придававших ему движение. Сначала из Музея города, а потом из жизни ушел заведующий филиалом «Крепость Орешек» А.Н. Домецкий, в 1978 году не стало В.М. Савкова. К этому времени в стране инстинктивное послевоенное движение – выбраться вопреки всему из воцарившейся разрухи – вновь уступило место стремлению подвести под комплексные проекты и планы всё сущее на свете. В результате, что-либо законсервировать, не имея на то детальной согласованной документации, стало невозможно, и разрушение начало опережать проектирование. «Нумерные казармы», лишившиеся после демонтажных работ естественной защиты в виде аварийно-опасных участков третьего этажа с асфальтовыми полами на бетонной стяжке и скрывавших фасадную стену завалов, начали таять с нарастающей скоростью. К моменту государственного коллапса на исходе 1980-х гг. стало очевидно, что жить памятнику без ремонта осталось лет 15-20. Развернутый всем фронтом на Юг корпус, промерзнув зимою, каждую весну сбрасывал с себя пласты кирпичной кладки, поставляя бесплатный строительный материал для забутовки воссоздаваемых стен крепости. В быстро

промелькнувшие либеральные годы появились подрядчики, готовые работать на острове, но средств на стройку такого масштаба, как «Нумерные казармы», взять было уже негде. Не находили их и на консервацию – заделку угрожающих развитием брешей в стенах и устройство временной кровли.

В 2000 г. при благоустройстве подходов к «Взлазу» на прясло между башнями Государевой и Головина потребовалось расчистить территорию от поздних напластований. Открылись остатки стен западного крыла казарм, сохранившиеся на высоту около 0,9м. Возникло желание их законсервировать, тем более обоснованное, что к этому времени уже стало известно место заключения и убийства Иоанна III Антоновича – именно здесь, в крайнем западном «нумере», – то ли в №1, то ли в №2.

Предложение состояло в том, чтобы основной проход к «Взлазу» от Государевой башни организовать вдоль помещений и галереи казарм на отметках пола XVIII века. Основания пилонов галереи и парапет между ними должны были выполнять роль подпорной стенки на переходе к более высокой отметке территории начала XX века возле соседнего тюремного корпуса № IV. Сами остатки стен требовали около 20% вычинки, после чего их предполагалось накрыть ж/б плитами и дерновым ковром.

Затруднение состояло в том, что выбрать и очистить в нужном количестве старый кирпич из соседних завалов «Нумерных казарм» не удавалось. В силу слабого обжига, хорошего раствора и нетерпения строителей целых кирпичей набиралось мало. Была завезена и пущена в дело партия кирпича от перебиравшихся в то же время крылец Ботного домика Санкт-Петербургской крепости с такой же фактурой, но с меньшими, чем следует, размерами. Весь кирпич XVIII века употреблялся в облицовочных рядах, сердцевину стен выкладывали новым кирпичом – его предстояло спрятать под покрытием. Однако, в 2001 году по устной просьбе Подрядчика, удовлетворенной Заказчиком – «Это похоже на недостроенный коттедж! Я этого сохранять не буду!» - работу забросили. Стены остались без консервационного покрытия, не была устроена подпорная стенка вдоль галереи, перед Государевой башней сохранялся нарост культурного слоя, и во время дождя или оттепели под воротами разливалось озеро. Примыкающий к воротному проезду восточный угол законсервированной части здания оказался восстановлен с искажением первоначальной формы; понять это стало возможным только 10 лет спустя, после расчистки от грунта симметричного угла на противоположной стороне проезда. Ныне, по прошествии 19 лет до 10% законсервированной кладки вновь утрачено, выполненные в бывших помещениях мощения просели и собирают лужи. Всё ещё читаются на кладке крепостной стены

контуры некогда примыкавших сводов казармы, но неоднократно делавшееся предложение подновить их известковой побелкой остается без внимания.

Из пяти цилиндрических сводов к востоку от Государевой башни, сохранявшихся на 30 – 50% к 1965 году до 2002 года дожил только один, ближайший к воротам. Вторая от ворот стена (ось 6) под его пятою была сильно разморожена и сохраняла около трети первоначальной толщины. Состояние руины на самом видном месте нервировало руководство музея. Были даны эскизные предложения по её укреплению путем подведения в образовавшиеся ниже пяты пазы обоймы из крупных швеллеров с последующей вычинкой. Операция была не без риска, но представлялась единственным средством сохранить свод. Предлагалось после этого сразу же отстроить один или два пролета казармы, чтобы зрительно сохранить габариты здания, уже утратившего среднюю часть и в дальнейшем вести речь о его реставрации, а не о воссоздании. Впрочем, после очередной визитации Заказчиком (в отсутствие Архитектора) в 20-х числах июля поврежденная стена вдруг переломилась. Её состояние ещё не предполагало такого исхода без посторонней помощи, а посторонняя помощь не могла быть оказана без смертельной опасности для человека или без троса с трактором. Поскольку и Музей, и Подрядчик объявили, что всё происшествие для них – полная неожиданность, и силам природы они не содействовали, осталось подозревать неизвестных злоумышленников. Вспомнился местный отчет 1880-х годов: «Избиения заключенных не было, т.к. стража это отрицает».

Благодаря исключительной спаянности кладочного раствора вместе с переломившейся стеной обрушилась только половина свода. Вторая половина удержалась в виде консоли на старейшей стене казармы, а по проекту 1971 года – фасадной. Полученная композиция просуществовала до весны 2005 года, вызывая неподдельное эстетическое восхищение анонимных авторов. Все призывы архитектора и, тогда ещё городского КГИОП немедленно приступить к расчистке завала и восстановлению свода отклика не получили. Стену лишь прикрыли со стороны ворот лесами и сеткой. Наконец, свод упал полностью, отломив вместе с собою всю верхнюю половину стены за исключением фрагмента от Юго-Западного угла до дверного проема. В центральной части стены линия разрушения прошла ниже гнезд междуэтажного перекрытия с касанием штрабы от лестничного марша. От стены осталось около 40%, а от всей западной половины казарм зрительно – одни завалы. Торчащие без опоры леса и уцелевший угол стены возле входа в крепость внушали музею теперь вполне обоснованное беспокойство, но поручить их демонтаж стало некому: Подрядчик с

острова бежал, а его тех.базу разворовали. К декабрю были подготовлены эскизы восстановления стены - уже без свода, но с возможностью его воссоздания в будущем.

Работы удалось начать только весной 2008 года, параллельно с консервацией юго-восточных прясел крепости и благодаря доброй воле и влюбленности в Орешек нового Подрядчика – И.Г. Васильева («Мастерская Васильева»). Труды затянулись до 2012 года, поскольку велись по остаточному принципу и при отягощении очередным несчастьем – пожаром и повторным восстановлением шатра на башне Головина.

До обрушения стены на ней сохранялась вся летопись постройки и перестроек казармы: первоначальный кирпичный цоколь, дверные проемы, хайло печи в первом этаже и отступ – во втором, гнезда от балок первоначального балочного перекрытия, залицованные при устройстве лестницы, обломки заземленных в кладке ступеней 1882 года и следы примыкания кирпичного чулана под ними, в верхней части стены – врубленная в первоначально гладкую кладку пята свода и штраба на месте примыкания его внутренней поверхности. Фотоснимок угловой части стены был опубликован в статье М.В. Иогансен и А.Н. Кирпичникова в качестве свидетельства поэтапного строительства казармы с читаемой границей между первой и второй захватками. Когда давались предложения по консервации этой стены, предполагалось её укрепить, вычинить, подвести под кровлю и в дальнейшем - не штукатурить. Теперь при воссоздании захотелось вернуть зрителям всю погибшую информацию, и стена воссоздавалась со всеми перечисленными выше деталями. На южной лицевой поверхности угловой части были также выявлены: гнездо от балки междуэтажного перекрытия галереи, пяты её сводов и фрагмент стальной затяжки над подпружной аркой. Идея консервации фасада переросла в идею создания эталона – подсказки к восстановлению всей части казармы под цилиндрическими сводами, т.н. «Устиновской» фасад которой уже полностью утрачен. На моей памяти ещё сохранялся откос ближайшего к углу оконного проема, переделанного в XIX веке в дверной, однако, к 2005 году его лицевая кладка исчезла, и контур плана пришлось восстанавливать по внутренним параллельным ей рядам. Что касается дверных проемов, то здесь, по счастью, частично сохранились и откосы, и перемычки. То же относится к деталям отопительной системы. Из допущенных нововведений следует указать на ж/б консоли в старых балочных гнездах под дверь второго этажа. Они были устроены в расчете на устройство наружной лестницы по примеру имевшейся здесь со второй половины XVIII века стремянки, т.к. ближайшая лестничная клетка, 1882 г. постройки, удалена от рассматриваемой стены на 48м.

Обстоятельством, как бы сдвинувшим восстанавливаемую картину по фазе времени стала проблема строительного материала. Как и в ходе реставрации Западного крыла

казарм набрать из завалов подлинного кирпича для воссоздания лицевой поверхности кладки не удавалось. Пришлось лукавить и набирать кирпич из руин офицерской казармы времен Александра II. Следует заметить, что помимо последствий обрушения практически вся поверхность кладки была сильно выветрена и доведена до состояния осыпи так, что даже сохранившиеся фрагменты пришлось перелицовывать. Лишь в немногих местах - в основании стены, на откосах дверных проемов, на угловой части в уровне второго этажа в качестве свидетельства аутентичности были оставлены участки подлинной поверхности в расчете на то, что им некуда деться из обрамления новой облицовкой. Кладка велась на сложном растворе с применением сеток и выборкой швов для их последующего заполнения известковым раствором. Небогатый перечень доступных материалов привел к решению обозначить все воссоздаваемые заплатки на местах утраченных конструкций с помощью кладки современным кирпичом на цементно-песчаном растворе, так, чтобы специалист легко их увидел и понял их вторичность.

Нельзя не вспомнить благодарным словом рабочих, приезжих с Волыни. Сожалею, что не записал их имен. Почти все были с высшим образованием, и не приходилось объяснять им смысл и особенности работы. Приходится вспоминать и о том, что все потенциальные Подрядчики предупреждались о деловой репутации Заказчика, но рисковали и затем подтверждали её эмпирически. Только спустя много лет мне удалось узнать, что безукоризненные в работе украинцы оказались, как говорится «крайними» при очередном испытании человеческой порядочности и вернулись домой, не получив обещанной платы. Памятью о скомканном завершении работ остались незаполненные раствором швы на поверхности стены.

При расчистке выросшего «культурного слоя» возле основания стены для ликвидации хронической лужи под воротами было совершено неожиданное открытие. Сводчатый мост петровских времен через Водопроводной канал перед казармой нашелся уцелевшим и, насколько можно судить, требует лишь откопки, заделки метровой пробоины, восстановления мостовой и ограждений. Вплотную к мосту были обнаружены основания двух столбов галереи, из которых удалось вычинить и восстановить на высоту первоначального цоколя один – восточный. Здесь осталось невыполненным проектировавшееся обозначение на обресе плана вышележащей части – меньшего сечения, с лопаткой. Нежелание Пользователя сначала заключать договоры об авторском надзоре с институтом «Ленпроектреставрация» (при необходимости выполнить проектную работу), а затем нежелание вести работы по проекту, в 2012 году прервали всякую реставрацию в Шлиссельбургской крепости.

На протяжении 2010-2012 гг. некая персона – обозначим её условно «Альхен» - морочила и архитектора, и проектный институт предложениями выполнить паспортизацию Нумерных казарм и обещаниями обеспечить соответствующий договор. На поверку, всё как обычно оказалось блефом. Институт на обман не поддался, но я посчитал создавшуюся ситуацию удобным поводом для посильного ознакомления с руинами. В сохранившихся двух казематах Восточной части удалось детально измерить нишу поставца и дверные проемы, расчистить и измерить проемы окон, снять шаблоны с нескольких перемычек. В сильно руинированных частях пришлось ограничиться словесным описанием видимых остатков.

При обследовании сохранившихся казематов было выявлено аварийное состояние обоих, о чем 6.03.2012г. подана записка заведующему отделом «Орешек» ГМИ СПб, к сожалению, неофициально, как результат «подпольной» работы. В записке давались также рекомендации по ликвидации аварийности и ориентировочные объемы работ. Никакой реакции, увы, не последовало. Цитируя одну из притч А.Г. Невзорова: «Только чавканье». В 2016 году материал был предоставлен в отдел повторно и с тем же результатом.

Весной 2017 года крайний восточный каземат обвалился вместе с наружными стенами. Соседний с ним ещё стоит, но тоже давно готов к обрушению. Между тем, ГМИ СПб не принимает никаких превентивных мер, уповая на работы по всеобъемлющему проекту воссоздания(!) казарм.

III. Перспективы. «Прайват Реконстракш -2018». Срыть и набетонить.

Лишь недавно и по чистой случайности мне довелось ознакомиться с многообещающим трудом ООО «Реставрационная компания Ордер». Проект увидел свет ещё в 2018 году, тогда же успешно прошел историко-культурную экспертизу, принят к исполнению и остановлен лишь за тем, что его авторы требуют предварительно отремонтировать крепостные стены, на которые хотят опереть казарменные перекрытия.

Первое, что привлекло внимание в пояснительной записке к проекту – искренняя и нелицеприятная оценка моей работы по восстановлению Западной стены казарм: «следы грубого реставрационного вмешательства». Вот и перечисление допущенных грубостей и неисправленных дефектов стены, в частности: «после реставрационного вмешательства стена неоднородна по составу и исполнению и включает в себя в том числе, фрагменты кладки из современного кирпича на ц/п растворе... атмосферная эрозия и выветривание лицевого слоя кирпича на отдельных участках...выветривание (вымывание) растворных

швов...» Всё замеченное «Ордером» вкупе с предложением в «экспозиционных помещениях выкладывать стены с расшивкой швов и не штукатурить» вызвало у «бракодела» странное подозрение, усилившееся при просмотре графической части проекта.

В самом деле, обмерный чертеж стены в воссозданной и, частично перелицованной частях снабжен пояснениями (NB): «пята свода», «лещадная плита». Здесь же зафиксированы пятна кладки новым кирпичом, - правда, без всякого комментария, - и участки выветренной кладки – на местах, где мною музеефицирована подлинная поверхность. В проекте вся стена целиком, кроме участков сложенных из нового кирпича на ц/п растворе охарактеризована одинаково: «кладка старым кирпичом». Практически рекомендации по ней таковы: в целом – «очистка и обработка от загрязнений» в основании стены, где действительно осталась подлинная кладка с вымытыми швами – «восполнение шовного материала», на музеефицированных участках в верхней части – «восполнение утрат кирпичной кладки». Невольно складывается впечатление, что разница между аутентичной и воссозданной кладками не осознана, и вся стена, кроме заплат новым кирпичом, сочтена за подлинник, иначе – откуда идея расшивывать кладку в интерьерах? Они были повсеместно оштукатурены, швы повсюду затерты. Расшитой кладки нет нигде, только на воссозданной части стены остались незаполненные швы.

Подобный невольный обман коллег способен польстить самолюбию его автора, но легкость, с которой в обман вдались, беспокоит: как при таком понимании предмета можно приниматься за не самую простую работу?

Дальнейшее продвижение по пояснительной записке в сопоставлении с чертежами и предыдущим проектом «ЛЕННИИПРОЕКТа» 1971 г. заставляет усомниться не только в компетенции, но и в искренности Проектировщиков.

Начнем с концептуальных постулатов «Общего описания объекта».

1. «Проектом предлагаются работы по воссозданию здания на несколько исторических периодов.... За основу были приняты решения, предложенные в 1971г. институтом «ЛЕННИИПРОЕКТ»...»

По проекту «ЛЕННИИПРОЕКТа», за вычетом полностью разобранных к тому времени частей казарм, рассматривались только Два Этапа: «На Первоначальный период» и на период «Зверинца» до надстройки его третьим этажом, т.е. на 1907 год (с фасадом 1882 года) – в значительной мере, как реверанс последним живым в то время заключенным Централа.

Откуда и зачем авторы «Ордера» взяли третий этап – «музеефикацию» в руинах восточной части казармы? Какие события она должна увековечить? Выше приведена

история её разрушения, скоро - возможно – полного. И вовсе не «огнем фашистской артиллерии» 75 лет назад, как значится на противоположном крыле здания. Это разрушение последовало только что, как результат полувековой неспособности Музея Города проявить должную заботу о вверенном ему историческом памятнике и предпринять простейшие усилия по его консервации, как это делали в нищие послевоенные годы. Воистину – памятник отсутствию мысли, слова, дела и неисполнению долга на месте наиболее интересной части постройки. Именно казематы под сомкнутыми сводами были самыми живописными и архаичными, вызывая в памяти палаты XVII столетия, и чем длиннее были их анфилады, тем большее впечатление производили. Если все-таки вместо возрождения бездумно утраченного хочется похвастать получившейся кучей мусора, то справедливо разместить на ней мемориальную доску, парную к существующей – с перечислением создателей, например, за последние 20 лет. Методы «музеефикации» столь же фальшивы, как и их задачи. Если в обмерных чертежах большая часть руины не поднимается до подоконников первого этажа, то в проекте она вся чудесным образом подрастает, чтобы поддержать на уровне второго галерею, обнесенную «цельнолистовым» стеклом.

«Проектом предусматриваются работы по воссозданию здания в исторических габаритах...». Неправда.

Стремление непременно показать ставшую модной в последние годы руину - «Лофт» или «Экарше», состряпанное из постройки – приводит авторов к следующей противоестественной затее: задрать повыше кровлю, которой следовало покоиться на стенах казармы. При этом фасад здания не соответствует ни одному из заявленных периодов: ни Петровскому (I половина XVIII века), ни «Зверинцу» - в обоих случаях кровля располагалась одинаково, с коньком на отметке парапета боевого хода. То, что вздыбленная кровля нанесет ущерб облику всего крепостного двора, поскольку закроет половину аркад на опоясывающих его крепостных стенах, и что ещё Петр I осознавал эти стены, как прогулочное пространство – это, похоже, авторам «всё равно» (рис. 2, 3).

3. «На Петровский период (XVIII век) по этим решениям (ЛЕННИИПРОЕКТОМ) предлагалось восстановить «Нумерные» казармы с каналом. Восстановить канал в полном объеме не представляется возможным, в связи с тем, что здание IV тюремного корпуса было построено на русле канала. Поэтому канал предлагается восстановить на 1/3 длины, начиная от цитадели. В силу невозможности обеспечить проточность воды проектом предусмотрено выполнить «сухой канал», т.е. не

углублять канал до отметки дна и устроить дренажные слои для фильтрации осадков» и т.д., etc.

– Пирамида софизмов, водруженная на исходную ложь. Открытое русло соответствовало фасаду «петровской части» с аркадой. На каком основании авторы ордера предлагают сократить вдвое длину раскрываемого русла и оставить именно половину аркады в никогда не существовавшем положении? Пояснений этому не дается. По проекту 1971 года вовсе не предполагалось раскрывать русло Водопроводного канала на всем его протяжении. Перед «Зверинцем» и IV корпусом его собирались заключить в трубу. Здесь его главным назначением было первоначальное – обеспечить проточность водной системы крепости.

IV корпус пока что руинирован и необитаем. Он не «построен на русле канала». Он свешивается в русло одним углом, т.е. треугольной частью подошвы фундамента на 2,9м в вершине и на участке в 5,8м по основанию. Расстояние от дна канала до подошвы фундамента, согласно принятым Авторами габаритам (о чём – далее) составляет 3,4 – 3,7м. Ширина канала по обрезу набережных – 5,33м, по дну ~ 3,84м. В уровне подошвы фундамента IV корпуса до противоположной стенки канала остается в свету 2,18м, т.е. вдоль неё может быть опущен коллектор из спиральновитой, либо гофрированной трубы с наружным диаметром 2,175м и с последующей цементацией русла в створе фундамента. При укладке на дно канала трубу придется подвести под угол фундамента на расстояние в 0,18м по биссектрисе на участке аж в 0,36м, а если укладывать выше, на бетонной подушке – вполтину менее. Наполнение трубы при укладке на дно канала при установившемся в последние годы уровне воды в Ладоге (4,9м БСК) составит 7/8 от высоты сечения. В расчете на высокое положение воды можно добавить еще одну трубу выше. Говорить о технической неразрешимости данной задачи представляется просто неприличным. Тем более, что коллектор может быть устроен и более архаичными способами, с оптимальным овоидным сечением, а для стабилизации фундаментов существуют шпунты, буронабивные и буроинъекционные сваи. Сто лет назад в русле Екатерининского канала колокольню поставили, а 15 лет назад рядом с крепостью под Невой тоннель с нефтепроводом проложили.

Небрежно заявленный отказ от восстановления водопроводного канала и превращение его в «сухой» разом уничтожает все надежды на оживление и демонстрацию главной историко-культурной достопримечательности Орешка, выделяющей его в ряду русских крепостей – внутренней водной системы. Не упоминается о том, что канал существует не сам по себе, а обеспечивает проточность целого лабиринта водоемов. Водная система острова формировалась столетиями, со

времен, предшествовавших основанию крепости. Её ранний Новгородский этап ещё не изучен, а только затронут раскопками 1967-1968гг. В Ореховце находился передовой порт республики, он поныне обнаруживает себя просадками в центре острова, требуя поиска и раскрытия существовавшей здесь гавани с упорядочением водных потоков, что невозможно без использования Водопроводного канала. Водная система Московского периода вобрала в себя Новгородскую, дополнив её ровом с функцией гавани вокруг цитадели. Здесь располагалась стоянка парусно-гребного флота, контролировавшего прибрежные воды Московского государства – его первая военно-морская база. Без водопроводного канала этот ров также не получит надежной проточности.

Идея устройства «сухого канала» вместо полноценного проточного представляется не только саботажем с историко-культурной точки зрения, но и абсурдом с технической. Если заглянуть в графическую часть проекта, то выясняется, что процесс трудов по созданию «сухого канала» предполагает внедрение не только до исторической отметки его дна, но и «дополнение грунта» ниже этой отметки с последующим бетонированием дна и укладкой «дренажных слоев» ниже уреза воды в Ладожском озере. Зачем все это? Вопрос не риторический, если на такое потратиться, может и прокуратура заинтересоваться. Раз в канале будут «дренажные слои», то и влага будет в них перемещаться по законам природы. Колебания уровня воды в Ладоге на протяжении одного года достигают нескольких метров, а иной раз удерживаются на непредсказуемом горизонте надолго. Что делать, если вода будет стоять выше отметок задуманного «сухого канала»? Затыкать щели? Разводить мотыля?

Никак не учитывается и обнаружение ещё одного объекта, заслуживающего показа – подлинного каменного моста петровской эпохи в створе ворот крепости и портала IV корпуса. Красивее и логичнее было бы не укорачивать и обезвоживать канал, а наоборот – продлить его до портала моста, спрятав под сводом отверстие коллектора, сам же коллектор проложить вдоль русла канала до поворота к пряслу (на этом месте план 1737г. тоже показывает мост) (рис. 1).

К сожалению, ознакомление с проектной документацией заставляет предполагать, что идея «сухого канала» не имеет под собой иных побуждений кроме стремления уйти таким образом от последствий неполноценного обследования и беспомощных технических решений.

4. «Сохранении исторической ценности памятника». Забота об этом диктует

Авторам следующее:

4.1 «Утраченные конструкции кирпичных стен воссоздать с максимальным использованием сохранившихся строительных материалов (применение старого

кирпича после разборки завалов и отсортировки). Целые кирпичи использовать для устройства внутренней лицевой версты...Наружная верста наружной стены выкладывается из нового кирпича при условии недостаточного количества исторического строительного материала». Здесь же содержится указание выводить стены в технике колодезной кладки, а в графической части проекта изображено, как сложить колодец. Сама идея использования подлинного кирпича заслуживает только одобрения, но её реализация по предыдущим опытам не удалась. Возможно, Авторы найдут способ уговорить строителей не торопиться при очистке кирпича, чтобы не крошить его. При наличии в стенах проемов и ниш с перемычками в три кирпича на колодезную кладку не везде останется место, да и в целях экономии старого кирпича удобнее вести кладку ряд за рядом, оставляя старый кирпич только в облицовочном слое, а не выкладывая из него повсеместно стенки в 27 см толщиной.

4.2 «Также в проекте предложено сохранение исторической схемы перекрытий: в осях 5-11 – продольное расположение балок, а в осях 12 -17 – поперечное.» Т. е. всюду по короткому пролету. К несчастью, на этом достижении забота о «Сохранении исторической ценности памятника» заканчивается полностью.

4.3 «В проекте приняты решения использования нового материала для элементов, предназначенных для замены утраченных конструкций». Под «элементами» понимаются все междуэтажные перекрытия, лестничные марши и своды, которые собираются выполнить из железобетона. При этом, если в пояснительной записке идет речь о «полностью утраченных» сводах, то в основной проектной документации это понятие трактуется в более широком смысле слова. Разбираются всё ещё уцелевшие фрагменты сводов и даже незначительно поврежденные сводчатые вытяжные колпаки петровского времени в сенях. По факту это означает полное уничтожение, как минимум, второго этажа казарм. Опыт, поставленный над Западной фасадной стеной, это убедительно показал.

Кладка казарм при слабости кирпича отличается хорошей спаянностью, а пяты заведены в стену на полную толщину сводов в три кирпича. Даже если их удастся поначалу срезать в плоскости стен, то затем придется выгрызть под ними борозды, поскольку железобетон требует горизонтальной плоскости опирания.

Спрашивается, а зачем вообще надо вводить в «памятник истории и культуры XVIII века» абсолютно чужеродный материал для открытых конструкций, составляющих главное украшение интерьеров?

Написано – «для оптимизации работ». Но работа реставратора не самоцель, это путь к возвращению утраченного: «где было и как было». Если допускаются иные приоритеты, то зачем возиться со старым кирпичом и подходящим раствором для кладки стен, ведь и стены, и своды были отделаны в данном случае совершенно одинаково: оштукатурены тонким слоем гидравлической извести, позволявшим читать легкую неровность кирпичной кладки. Предлагаемый для наружной поверхности бетонных сводов штукатурный слой в 2 см никак не позволит приблизить её к первоначальному виду. Зато внутреннюю поверхность сводов проектируется обложить кирпичом на ребро, т.е. сложить фальшивый кирпичный свод поверх фальшивого бетонного. Вероятно, здесь имеет место попытка развлечь проходящих по боевому ходу прясла, сквозь аркаду которого вместо панорамы крепости предлагают обозреть чердачное нутро. Занятно, что для создания этой бутафории придется выставлять такие же кружала, как и для настоящих сводов.

В качестве источника, позволяющего восстановить форму сводов, называются обмерные чертежи «Ленпроекта» 1966-1967гг. Здесь Авторы не раскрывают всего значения трудов 9-й мастерской для собственного произведения. При его рассмотрении приходишь к выводу, что только на их канве и сработан проект «Ордера», но форму части сводов исподтишка упростили: в сенях очертания подпружных арок и сводов сделались одноцентровыми, а не трехцентровыми, какие, кстати, видны на обмерах самого «Ордера».

Нет нужды вспоминать о трудоемкости обмера здания казарм с помощью нивелира, водяного уровня, реек и отвеса. У пользующихся этими инструментами скорость и точность исполнения обмеров методом лазерного сканирования может вызывать только зависть, однако, технология сама по себе не позволяет дать архитектурно-археологическую оценку объекта. Те немногие примечания, которые нанесены на лазерный обмер «Ордера» куда менее информативны, чем графика «Ленпроекта», и свидетельствуют о работе «на благородном расстоянии» от руины. В сохранившиеся помещения с обмером не заглянули – опасно, даже одну из капитальных стен потеряли под завалами. Обмер 1966-1967 гг. также не лишен некоторых недостатков. При всей тщательности ему свойственно скорее художественное, чем аналитическое начало. Отсутствует та часть работы, которую позднее узаконили в реставрационном деле под названием «картограмма кладки» и в целом не предпринята попытка вычленить первоначальные контуры и назначение деталей постройки. Они могут быть опознаны лишь благодаря совершенству графики после натурального ознакомления с тем, что от них осталось. В прежние времена больше полагались на совесть и квалификацию архитектора

на стадии разработки проекта, да и инспекторы ГИОП отслеживали ход обмеров и сличали чертежи с натурой. У «Ордера» обязательных ныне картограмм ни по главному фасаду, ни по разрезам тоже не выполнено. Есть - и то неполная – на западном фасаде, поскольку там её специально выложили в кирпиче в 2012 году. Странно, что картограмм не потребовали в Областной ГИОП. Между тем, отсутствие указанной части работы привело к ряду ошибок. Также странно, что авторы не дают, а с них не требуют никаких ссылок на использованные «Архивные материалы», знакомство с которыми по результатам труда вызывает недоверие. Обыкновенно для объектов со столь насыщенной историей выполняется опорная документация в виде реконструкции состояния на разные периоды или хотя бы совмещённые чертежи с развернутыми пояснениями (рис. 1). В документации «Ордер» ничего подобного нет. Оценка перемен в облике казармы сводится к фразе «при анализе исторической справки можно сделать вывод, что здание ... за время своего существования претерпело несколько капитальных перестроек и перепланировок». Суть происшедшего и отношение к нему не раскрываются.

5. Объемно-пространственные и архитектурно-художественные решения.

5.1. Поскольку план здания был надежно зафиксирован обмерами 1966-1967 гг., то первой задачей, которую должны были разрешить проектировщики для его восстановления, становилось определение контуров поперечного профиля. Это непросто ввиду отсутствия галереи и сильных повреждений фасадной стены. Как уже отмечалось, в проекте допущено искажение исторической высоты конька кровли здания. Следует добавить, что искажена также и высота части фасада лишенной галереи – «Зверинца» (рис. 3, 11). То ли её подогнали под избранный наклон кровли, то ли наоборот – конек спроектировали, опираясь на взятые лазером отметки сохранившегося обреза фасадной стены. То, что эти отметки находятся в пределах надстройки 1908 года – того не разобрали из-за отсутствия картограмм кладки.

5.2. При определении положения полов первого этажа в качестве отметки чистого пола принята усредненная отметка порогов дверных порогов и кирпичных мощений, вскрытых раскопками 1966г. – 8,18 БСК. Мощение по грунту стало и прототипом конструкции полов. Незнание архивных материалов и безрезультатность археологического исследования 2018г. исключили из рассмотрения возможность устройства полов с подпольем, существовавших в жилых «нумерах», хотя такое решение позволяет избежать влажных стен, не прибегая к попыткам внедрения в них горизонтальной гидроизоляции (рис. 12). То же касается и пола галереи. При выборе покрытия полов, учитывая музейное, а не жилое назначение помещений, можно

примириться с заменой материала на более удобный в эксплуатации, однако, с условием хотя бы видимости правдоподобия. В первой половине XVIII века полы в помещениях утилитарного назначения могли быть либо дощатыми, либо кирпичными, но никак не каменными, из пиленого материала. По условиям современного использования кирпич может быть заменен либо клинкером, либо керамической плиткой в формат кирпича. Если же речь идет о помещениях, отведенных под экспозицию «Зверинца», то там полы были асфальтовыми.

5.3. Отметки полов второго этажа, как указывалось выше, до 1882 г. , были различны в сенях, «нумерах» и над церковью. Для музейных целей в части здания, реставрируемой на «Петровскую эпоху» отметки вдоль анфилады допустимо сnivelировать, оставив пониженные полы с кирпичной выстилкой в кухонной части сеней – это смотрелось бы естественно. В первой половине XVIII века и полы, и потолки междуэтажного перекрытия были дощатые, кроме того, в «нумерах» под досками потолков оставались открытыми несущие балки. Если допустить, что балки были подтесаны на брус, то вид помещений первого этажа получался вполне европейский. Ныне, из противопожарных и эксплуатационных соображений естественно прибегнуть к ж/б перекрытиям, но обязательно с сохранением исторического облика. Должен не только имитироваться материал (проектируется подшивка потолков досками и дощатые полы во втором этаже), но и форма: несущие балки (ребра) должны выступать и тоже маскироваться под деревянные. В проекте это не предусмотрено.

Введение в конструкцию бетона может значительно изменить толщину перекрытия и потребовать иных способов имитации исторических материалов. Бетон потолка в кессонах можно оклеить тканью, изобразив обивку парусиной. Её тоже часто применяли, хотя и в более парадных постройках (Домик Петра Великого, церкви). Отметка полов второго этажа галереи определена неверно: доски настилались вдоль неё прямо по поперечным балкам (сохранились гнезда) и ложились на полку стены между этажами. Подшивка потолка балки скрывала (в XIX веке начали применять «польскую» подшивку – вразбежку). Одинаково с галереей были устроены междуэтажные перекрытия в сенях, с той же отметкой чистого пола – 11,85 БСК. В «нумерах» отметка полов составляла около 12,00 БСК, а над церковью – около 12,54 БСК (следует уточнять по натуре). В помещениях «Зверинца» междуэтажные перекрытия состояли из бетонных с кирпичным наполнителем сводиков по стальным балкам, пол второго этажа был асфальтовым. Если экспозиция «Зверинца» будет развернута и в первом этаже, то только так перекрытие и следует воссоздавать – образцы сохранились, если нет, то лучше восстанавливать

архитектуру потолка на «Петровский период». Памятник возрождается для вечности, а его приспособление может меняться, и не стоит в угоду ему поступаться архитектурой.

Выше уже отмечалось печальное пренебрежение Авторов в отношении к подлинным кухонным узлам Петровской эпохи, сводящееся либо к их совершенному уничтожению, либо к подмене бетонными муляжами. Подход к объемно-планировочному решению здания в целом характеризуется таким же равнодушным отношением к истории и бывшему наполнению помещений. Парадоксально, но в данном разделе проектирования все сработано в соответствии с заданием и с одобрения Музея Истории «культурной столицы».

В центре корпуса (оси 12;13) на месте «древней казарменной» церкви – памятника взятию крепости – не восстанавливают междуэтажных перекрытий, всегда здесь существовавших, церковный интерьер, естественно, - тоже. На 25% сохранившийся в этих осях роскошный свод второго этажа доламывают и заменяют на ж/б скорлупу со скособоченной распалубкой возле восточной стены – одна из её пят была подрублена, и ввела в заблуждение архитекторов из «Ленпроекта», а архитекторы «Ордера» срисовали чужую работу вместе с ошибкой. Ни проем XIX века, ни поставцов, обнажившихся после 1966 г. (и попавших на лазерный обмер 2018г.!) не замечают и не раскрывают (а если стена упадет при уничтожении свода, то и не восстановят). В соседних сенях возрождают лестницу 1882г., но от чего-то в модернизированных формах и материалах. В следующих к востоку сенях (оси 14; 15) в первом этаже сводов петровской кухни не восстанавливают, а во втором – ломают без восстановления. В западных сенях также ломают кухни и устраивают лестницу, никогда не существовавшую и зачем-то - до чердака, куда и так можно попасть с боевого хода крепостной стены. В помещениях под цилиндрическими сводами, где на разрезе 1800г. отчетливо видны места заточения Екатерининского времени, не делается никаких попыток это показать. Остатков печей в виде сохранившихся в стенах хайл, топок и дымоходов не замечают и никак не пытаются воссоздать печи. А ведь это - и детали архитектуры, разные в офицерских и солдатских казармах, и детали тюремного быта, и летопись развития отопительной технологии за два века. С фундаментом самой первой «образцовой» печи возле Государевой башни расправился археолог: расчистил его поверхность и в поисках конструкции пола прорубил по центру колодец 2 x 2 м – шурф №1 – сохранив от фундамента выеденную изнутри оболочку. Пола не нашел. Конечно, архитекторов рядом не было, но ведь и археолог Блохин Е.К. – сотрудник Института Истории Материальной Культуры. Как он не заметил над своим шурфом печных отступа и топки? Загадка.

На то, чтобы во втором этаже раскрыть анфиладу сводчатых «номеров» – залов - в проекте нет и намека. Она дробится всеми способами: три восточных каземата и сени лежат в руинах, далее в сенях, где была лестница в Меншиковой башне, а затем лестница 1882г., их не восстанавливают, зато рядом (оси 16; 17) под новую лестничную клетку глухой стеной отсекают половину «номера» (между прочим, мемориального – места заключения просветителя – мартиниста Н.И Новикова). Через два с половиной «номера» к западу (оси 12;13) следует отделенная заложенными дверями двусветная пустота на месте домового церкви, на оси 9 снова возникает глухая стена на месте всегда бывшего здесь проема.

Никакой попытки заложить в проект вариантность или обратимость решений к пользе памятника методично не предпринимается: четвертуют раз и навсегда.

5.4. Лестницы.

Архитектура и конструкции всех лестниц подчеркнута современны – ж/б марши, стеклянные ограждения. Все это, действительно, применимо, но исключительно при консервационном отношении к объекту, когда от него осталась одна археология, и не приходится рассчитывать на восстановление целостного архитектурного образа. Авторы изначально, с порога, объявляют объект своих занятий находящимся именно в таком положении, т.к. разобраны его фрагменты. Это невозможно признать соответствующи действительности. Нет нужды повторять положения проекта 1971 года, якобы взятые за основу.

Корпус казарм длинен и состоит из единообразных секций. Даже усечение его крыльев не меняет характера архитектуры: поезд из 30 вагонов, если 6 из них отцепить, не перестанет быть поездом. Два избранных для демонстрации исторических этапа существования казарм могут быть во всей полноте, до мелочей воспроизведены в намеченных пределах. Нет никакой необходимости сдабривать их руинами собственного производства и high tech-ом. На чудеса современности и ободранные до кирпича стены можно любоваться в торговых домах центра Петербурга, в музеи ходят не за этим. Реставрация требует по возможности скрывать отметины вынужденного приспособления, им не пристало претендовать на паритет с архитектурой прошлого и, тем более, составлять ей конкуренцию.

5.5. Проемы дверные и оконные

«Проектом предусмотрено воссоздание габаритов оконных и дверных проемов по сохранившимся фрагментам стен, а также на основе иконографических данных и сопоставления их натурным исследованиям».

Как уже отмечалось, первоначальные дверные проемы в казарме имеются двух типов, в западной и восточной частях. Еще один тип составляют проемы, пробитые в первой трети XVIII века. Пока что, несмотря на обвал восточной стены и «нумера» казарм, в стенах на осях 5, 19 и 20 можно осмотреть все три типа проемов и убедиться, что сочинение «Ордера» не соответствует ни одному из них. Надо спешить, потому что стена на оси 19 может упасть в любой момент вместе с последним сводом над «нумерами» и последним проемом восточной части казармы.

Расчищенные от прикладок и обследованные в 2012 г. оконные проемы рухнувшего номера и соседнего с ним доступны для ознакомления и, как упоминалось, несут следы подтесок при установке двойных коробок в 1830 году. Этого не заметили обследователи «Ленпроекта» в 1966-1967 гг. и заложили в свой проект конфигурацию проемов более позднего времени. Архитекторы «Ордера» этот проект скопировали, дополнив кладочными чертежами.

Замечательно, что при «натурных исследованиях» Авторы не сочли возможным осмотреть проемы не только руинированной части казарм, но и вполне доступной и безопасной стены на оси 5, специально подготовленной для подобных исследователей. В части казарм восстанавливаемый на период «Зверинца» характер проемов первого этажа совершенно игнорирует доступную фотофиксацию 1917 года и не соответствует исторической правде (рис. 2, 3).

5.6 Заполнения оконные и дверные

«Заполнения оконных и дверных проемов воссоздаются по историческим аналогам. Оконные заполнения выполняются из сосны с двойным рядом остекления, в две коробки... Окна окрашиваются в белый цвет с наружной и внутренней стороны».

Описание подходит только для окон «Зверинца». XVIII век не знал двойных коробок. Содержащаяся в проекте расстекловка окон «Петровской части» казарм абсолютно фантастична. Размеры стекол малы даже для свинцовых горбыльков начала XVIII века, не говоря о деревянных. И вообще-то, если сослаться на аналоги, то их

полагается приводить. Аналогов изображенному просто не существует. Избранный формат остекления отсылает либо к XVII столетию, либо к корабельной архитектуре. На единственном (позднем, 1853 г.) чертеже запечатлена расстекловка окон на 12 стекол, что вполне соответствует размерности начала XVIII столетия. Можно предполагать, что замена и дублирование оконных блоков в 1830 г. были даны на откуп мастеровым и выполнялись без чертежей – по образцу. Это косвенно подтверждают ремонтные описи 1795 г. («стекольная рама» имеет 6 стекол) и 1803 г. (зимняя рама – 8 стекол). Т.е., в первом случае заполнение без фрамуги, на всю высоту проема, половина по вертикали, не открывающиеся или с вертикальным импостом; во втором – с фрамугой, с зимней рамой на всю ширину проема и распашными летними створками. Что касается калевки горбыльков и рам, то они у Авторов отчего-то одинаковы для 1720-х и для 1880-х годов и в равной мере не соответствуют ни тому, ни другому времени.

С дверными заполнениями ситуация и вовсе необъяснима. Как упоминалось, наружные хорошо видны на чертеже 1800 года – щитовые, окрашенные при Павле I, внутренние – на чертеже 1737г. – щитовые, одностворчатые, желтенькие – некрашенные, олифленные. Все на поставах и жиковинах. Откуда в проекте взялись внутренние – двустворчатые, филенчатые (по меркам начала XVIII века – дворцовые), но с окраской в серый цвет? А наружные двери 2-го этажа – тоже филенчатые светлые, с листовым стеклом в размер филенок? Это в казарме-то Петровских времен? При ознакомлении с профилировками, опять-таки одинаковыми на все времена, складывается впечатление, что весь комплект намерены закупить в Leroy Merlin или другом супермаркете. В части фурнитуры «по историческим аналогам» это вполне подтверждается приведенным в проекте фоторядом.

Конечно, невозможно мучить Подрядчиков изготовлением и применением вколотных петель (промахнутся) и коробчатых замков ручнойковки по образцу XVIII века, хотя 30 лет назад это еще делали и во Пскове, и на Соловках. Но вот заказать партии задвижек, заверток и колец для окон, жиковин с поставами (или петлями, если идти на элемент приспособления), засовов с пробоями – вполне возможно. Надо только их нарисовать, используя аналоги. А это требует некоторых знаний и желания.

По поводу комбинации заполнений с проемами доверительно сообщаю всем, рассматривавшим и одобрявшим проект, что кроме офрамуженной вопреки исторической правде ДВ-9 ни одна дверь, и ни одно окно в доме открыться под 90° не смогут. Начертательная геометрия не позволит.

5.7. Фасады.

«Проектом предусмотрено воссоздание архитектурно-художественного решения фасадов по иконографическим материалам».

При этом на разрезах:

- Неправильно, вопреки натуре и иконографии показана лопатка фасадной стены во втором этаже – в действительности она имеет уступ, как и стена, сохраняя вынос в полкирпича.

- Пилоны и лопатки на них со стороны галереи также показаны неправильно, вопреки иконографии: они не имели уступов между этажами. Археологические работы 2018 года Е.К. Блохина дали в отношении пилонов интересные результаты, обнаружив развитый пьедестал и основание кирпичной скамьи (рис. 4, 8). Эти детали присутствуют и на чертежах 1800-1801 годов, но ранее оставались незамеченными. В документации «Ордера» какая-либо обработка и оценка археологического открытия отсутствуют, и в проекте оно не учтено.

- Положение и очертание сводов подпружных арок галереи не соответствуют ни иконографии, ни сохраняющимся натурным следам. При видимой толщине в три кирпича они просто не поместились бы под исторически существовавшей кровлей, а затяжки, скрытые в теле подпружных арок, оказались бы в половине подъема их пролетов (рис. 12, 13).

- Положение несущего прогона междуэтажного перекрытия галереи показано вопреки всей иконографии - заимствовано у ЛЕННИИПРОЕКТа. Как отмечалось, прогон на исторических чертежах не показан, но перекрытие всюду вдается под арки не более, чем на глубину одного кирпича. Этим обеспечивалась возможность устройства перекрытия после постройки аркады и его ремонтпригодность.

- Парапет первого этажа галереи, согласно историческим чертежам, до 1812г. был глухим, толщиной в 2 кирпича, с отливом под 30° наподобие кроны бруствера. Со стороны галереи стенка находилась возле плоскости пилонов аркады. На чертежах ЛЕННИИПРОЕКТа и «Ордера» изображено ограждение XIX века – деревянное, с прожилинами, выдвинутое к внешней стороне пилонов.

- Фасад «Зверинца» в осях 1 - 5, как указывалось, увеличен по высоте, габариты и характер проемов не соответствуют избранному историческому периоду, облом венчающего карниза огрублен и не соответствует фотоснимку 1917 года.

- «Фасады кирпичные оштукатуренные» - никаких попыток доискаться на стадии предпроектных исследований, как и чем были оштукатурены и окрашены фасады Авторы не сделали, и в проекте это не объяснено.

- Вообще никаких мероприятий не предложено по завершению консервации остатков стен западного крыла казарм в осях 1 – 4.

- Восточный фасад показан эскизно, без детализовки и без обозначения предлагаемой Авторами надстройки, без конкретных указаний, как предполагается добиться воплощения изображенного (нижняя часть стены на оси 22 еще стоит под завалом) и каким образом надеются обеспечить устойчивость конструкции.

5.8 Цоколь и отмостка.

«Цоколь здания выполнен из известняковой скобы» - этот цоколь появился только в 1812-1813 гг. на стенах, и в 1844г. – на пилонах. Ранее цоколи и стен, и пилонов были кирпичными и ниже.

« Проектом предусмотрено выполнение вдоль лицевого фасада покрытия из каменных плит» - это не будет противоречить историческому облику только возле части здания, лишенной галереи. Если же перед нею будет понижен культурный слой – а это придется делать, по крайней мере, чтобы выйти на существующие отметки около крепостных ворот – то целесообразно выполнить вдоль всей казармы единообразное мощение кирпичом (клинкером), применявшееся и в XVIII и в XIX веках.

Вдоль западной стены недостаточно выполнить отмостку. Необходимо замостить весь воротный проезд и мост перед ним с устройством разуклонки, отводящей воду к каналу.

Если же канал раскрывать не станут, то следует решать, куда отводить воду.

Мощения с разуклонками для отведения воды следует выполнить и в пределах музеефицированных остатков западной части казарм.

5.9. Канал.

Поскольку на существующую набережную водопроводного канала должна вновь опираться воссоздаваемая аркада галереи, а восточная стена казарм оказывается на вновь формируемой набережной рва цитадели, то и архитектурная часть проекта здесь не может быть отделяема от конструктивной. Неуместно ограничиваться в пояснениях общим пассажем: «Восточный фасад является одной из стенок воссоздаваемого канала и облицовывается пиленным известняком от отметки пола галереи до первого этажа до отм. +5,00 БСК» (т.е. до уреза воды). Набережной, современной казармам, под восточным фасадом просто не имеется, на близость канала здесь не рассчитывали.

Наивность пояснения заставляет именно в этом узле подозревать семя идеи «сухого канала». Однако, и отсутствие открытого водного зеркала не способно обезопасить восточную стену казарм на оси 21.

Согласно Пояснительной записке к Разделу 4 ПД «Конструктивные и объемно-планировочные решения, раздел 3» «опасных геологических процессов» на о. Ореховом всего два:

« – подтопление, связанное с близким залеганием грунтовых вод в неблагоприятные периоды года;

- морозное пучение грунта, связанное...»

При этом в «Заключении по результатам инженерного обследования ...» (Т.5; 4,3; 1,5) совершено научное открытие. При бурении в ноябре 2017г. У.Г.В. нашли на отм.+4,8 – 4,9 БСК (на отметке уреза воды в Ладоге), а двумя строками ниже под этим сообщением констатируется: « максимальный У.Г.В. следует ожидать... на абс. отм. до 3,8 – 4,3 м».

Вероятно, полное отсутствие информации в исторической справке по соответствующему разделу не позволило заметить еще двух процессов, действительно составляющих индивидуальную особенность острова и опасных для построек на нем:

- колебаний уровня Ладоги. Последние 25 лет, также как и на рубеже XV - XVI веков уровень составляет в среднем +4,5 – 4,9 БСК. Однако, в XVIII и первой половине XIX-го века часто случались осенние наводнения, когда вода заливала крепостной двор, достигая отметок +7,50 – 8,00 БСК.

- сильной фильтрации насыпных грунтов и, благодаря этому – подмыву фундаментов на северной оконечности острова течением основного русла Невы. Построенную в начале XVI века Черную (Королевскую) башню пришлось разбирать и складывать заново в 1680 гг. Прясло между Королевской и Светличной башнями отклонилось наружу, облицовка его бруствера дважды обваливалась и возобновлялась: в середине XVIII и начале XIX века. На сегодняшний день прясло оторвано от Светличной башни на 10-15 см. А вот описание восточной стены нумерных казарм на оси 22 в 2012 году: «Стена, теперь наружная. В помещении отстает от крепостной над фундаментом на 30 мм, на 50 мм – у пяты свода... По фасаду фундамент из подработанной путиловской плиты обнаруживает просадку на участке от дверного проема к крепостной стене (раскрыт горизонтальный шов в средней части нижних рядов кладки на этом отрезке, заметен некоторый наклон обреза вплоть до крепостной стены). Вертикальное расхождение между стеной казарм и крепостной – 25 мм у обреза фундамента и 50 мм – у

середины второго этажа. Крепостная стена, как кажется, поворачивается с темпом, слегка опережающим осадку казарменной...».

Т.е. интенсивно подмывается крепостная стена, но одновременно (за счет проема водных ворот?) подмывается и оседает в русло рва фасадная стена казарм – её и до разборки секции здания надо рвом можно было считать фасадной в конструктивном отношении – с восточной стороны уже не имелось ни сводчатых перекрытий, ни продолжения южной фасадной стены: здесь её прорезала арка, перекинутая на Светличную башню. Фотография, запечатлевшая основание восточной фасадной стены сразу после откопки водных ворот, позволяет предположить, что ее неглубокий фундамент поставлен на стенку контрэскарпа XVI века, причем с эксцентриситетом.

Незамеченное при обследовании не попало и в проектные решения «Ордера». Восточная фасадная стена по технологии усиления приравнена к набережной Водопроводного канала, хотя из приведенных выше наблюдений следует очевидная необходимость усиления основания, а желательно – его полное прикрытие «стеной в грунте» с помощью буро-инъекционных свай. Тогда перед фундаментом появится ростверк, и будет на чем выводить облицовку, а при необходимости и контрфорсы к восстанавливаемой стене. Рекомендуемое же в проекте внедрение с облицовкой в тело имеющегося фундамента – это путь к потере остатков стены.

Если по усилению восточной стены казарм и её основания просто не дается конкретных решений, и это отчасти объясняется недоступностью объекта после обвала 2017г., то по набережной Водопроводного канала такое решение дано. Здесь обследование также не довели до требуемого результата, но – «срочный фрахт» - и проект постарались сделать безопасным для себя, хотя и губительным для памятника.

А именно:

Шурф №2 «Историко-культурного научного археологического обследования» ставил своей задачей «...Исследование конструкций фундаментов; выяснения характера конструкций и габаритов галереи вдоль фасада; выяснения характера конструкций и габаритов канала вдоль здания». В отношении набережной канала, на которой стояли пилоны галереи, все перечисленные задачи сливаются воедино, но довести шурф до подошвы фундамента и даже до подошвы его плитняковой части не удалось. Достигнутая глубина оказалась не более, чем при раскопках 1966 года. Вплоть до обрушения восточной стены казарм весной 2017г. значительно больше можно было видеть во рву возле Светличной башни, откопанном в 1970 году. Впрочем, все археологические исследования показали главное: подпорная стенка набережной

представляет собой массивную конструкцию, сложенную из хорошо перевязанных постелистых блоков известняка. На обнажавшихся участках стенка находится в устойчивом положении без признаков осадочных деформаций и сохраняет ниже отм. +6,52 БСК неповрежденный облицовочный слой, не вымытый и не выпученный.

«ЛЕННИИПРОЕКТ» при создании проекта в 1971 году задался положением и устройством основания стенки исходя из чертежей Н. Людвига 1737 года. Насколько можно судить, хотя никаких указаний на то не сделано, «Ордер» воспользовался вычислениями «ЛЕННИИПРОЕКТА». По принятой на вооружение схеме в основании стенки находится валунная кладка слоем в 0,61 – 0,85 (?) м, затем кладка блоками путиловской плиты с сохранением облицовочной поверхности на высоту 2,87 - 2,63 м и выше – в разной степени механически поврежденная кладка до отметки борта +7,64 – 7,66 БСК (по верху кордона). Толщина стенки по обрезу составляла ~ 2,42 м, по подошве, согласно «ЛЕННИИПРОЕКТУ» должно было получиться ~ 3,05 м, по обследованию 2018г. ~ 3,28 м. Подпорная стенка набережной, несшая пилоны галереи и фундамент фасадной стены не связаны между собою. Они отстоят друг от друга на 0,48м.

Массивность и состояние кладки подпорной стены ни по результатам раскопок 2012 года, ни по фотографиям отчета об исследованиях 2018 года не вызывают сомнений в её устойчивости и способности нести пилоны и своды галереи. Как представляется, необходимо только тщательно восполнить её утраты в первоначальных материалах и приемах и возможно более равномерно распределить нагрузку. При этом в местах наиболее сильного повреждения оснований пилонов галереи может быть признана целесообразность их перекладки с подведением распределительных ж/б плит и даже с доведением этих плит под полом галереи до обреза фундамента фасадной стены казарм. Если существует опасение горизонтальной подвижки, то можно анкеровать плиту сваей в просвете между фундаментами стен, подпорной и фасадной, подобно тому, как это делают при устройстве деревянных набережных.

Однако, авторам проекта такие меры отчего-то показались недостаточными. В материалах инженерного обследования и «конструктивных решений» по странному стечению обстоятельств нет ни строчки об оценке несущей способности подпорной стенки. А потому, без всякого обоснования, но так, чтобы кладка уж точно не расползлась, поверх неё предлагают устроить сплошной ж/б панцирь - бункер длиной шестьдесят пять метров. Мало того, что подобное сооружение на влажных грунтах будет служить накопителем влаги и гнить всё, что под него попадет, так ещё и сама технология его устройства не продумана и, кроме разрухи, ничего не обещает.

Предлагается рассечь по вертикали ж/б стенкой пока что однородный массив кладки из перевязанных между собою известняковых блоков на известково-песчаном растворе. За образец, по всей видимости, принимается таксидермирование Петербургских набережных с гранитной облицовкой, однако, при этом не учитывается разница в материале и его масштабе. Гранит, как известно, обладает одинаковыми свойствами во всех измерениях и допускает изготовление блоков или даже плит большого формата при небольшой толщине без ущерба для прочности и долговечности камня. По плотности и, соответственно, водопоглощению характеристики гранита сопоставимы с бетоном. Облицовка из такого материала, будучи приложена к бетонной поверхности, не разрушится, если только её не оторвет льдом или коррозией самого бетона; её можно крепить пиронами. Известняк же слабее бетона, и в соседстве с ним начнет отмокать и размораживаться. Кроме того, путиловский известняк слоист, требует горизонтального расположения слоев и, соответственно, толщины облицовки не менее высоты скобы. Оптимальный способ крепления для него – перевязка с основным массивом кладки, что требует ещё большего формата блоков в плане. При необходимости получить наклонную поверхность облицовки блоки распиливают под углом. Так и сложены набережные Водопроводного канала.

В проекте для того, чтобы засунуть железобетон под облицовку предлагается её сначала полностью уничтожить, не взирая на её хорошее состояние и подлинность, а заодно разворотить и глубинный массив кладки, чтобы получить место для бетона.

Затем вдоль стенки устанавливается арматурная решетка – на щедро и глубоко забитых анкерах, и всё это бетонируется, причем в довольно сложной опалубке, с рантом внизу и в соединении с плитой поверх каменной стенки, т.е. судьба всех оснований пилонов уже предрешена. После этого бетонная стена покрывается слоем блоков известняка, естественно – без всякой перевязки с бетоном. Забавно, но на проектном чертеже такая перевязка показана. Каким образом её предполагают достичь – остается тайной. Выложить наклонную стенку высотой 3м с отклонением от вертикали в 0,5м из блоков толщиной 0,15 – 0,20м в качестве несъемной опалубки невозможно, вдавить камень в бетон после снятия опалубки – тоже. Крепить облицовку к бетону предполагается на проволочных скрутках, как изразцы к печной тушке. И в довершение всего каменные блоки укладываются не горизонтально, а по нормали к наклонной поверхности, чтобы быстрее набрали воды и развалились.

В пояснительной записке утверждается, что в ходе предлагаемых работ профиль стенки и русла канала сохраняются. Это неправда. Сличение проектных чертежей с

фиксацией археологического шурфа №2 обнаруживает изменение наклона стенки, неправильное определение ее высоты и сужение русла канала (рис. 9).

6. Влияние проектируемого «Воссоздания Нумерных казарм» на другие объекты Шлиссельбургской крепости «Орешек».

Как уже указывалось, исполнение данного проекта в отношении Водопроводного канала нанесет ущерб не только этому памятнику, но и всему будущему реставрации на острове, подрывая возможность восстановления водной системы крепости.

В меньшей степени, но тоже ущербом для соседнего «объекта истории и культуры федерального значения» грозят обернуться ж/б оболочки, предложенные в качестве замены сводов Нумерных казарм. Стена начала XVI века, на которую опираются всё ещё сохранившиеся пяты сомкнутых сводов, состоит из облицовочных слоев путиловского известняка и забутовки между ними, на известково-песчаном растворе. Состояние облицовки и её сцепление с забутовкой не идеальны. Конструкция настоящего свода передает давление на поверхность стены под углом, обеспечивая совместную работу её элементов. А вот оболочка будет действовать, как плита, оставляя всю нагрузку на облицовочном слое и отрывая его от забутовки. Кроме того, восстановление свода в кирпиче позволяет после необходимой вычинки использовать сохраненные пяты, не травмируя лишней раз постройку, а для оболочек понадобится убирать кирпичные пяты и выбивать штрабы под устройство опор (рис. 12).

Ситуация со стеной помимо технических осложнений создает и организационные. Проекты реставрации стены и казарм разрабатываются разными фирмами, как, вероятно, разными будут и подрядчики строительных работ. «Ордер» настаивает, чтобы реставрация стены была проведена до начала работ по казармам. В полной мере это не выполнимо, поскольку требует абсолютной расчистки основания стен от завалов, но вот реставрировать существующие пяты сводов в ходе реставрации доступной части стены возможно: это выполняется по месту, без разработки проекта. Что касается принципиально новых конструкций, то здесь потребуется передать Подрядчику по реставрации стены полную рабочую документацию от «Ордера» после её увязки с проектировщиками по стене XVI века и хорошо, если здесь удастся найти взаимопонимание.

7. Субъективная оценка проекта в свете его оценки Авторами, Заказчиком и Экспертами.

Во всей документации, наработанной «Ордера» по Нумерным казармам можно было безоговорочно согласиться только с единственной строчкой, некогда вписанной в «рекомендации по результатам обследования»: «3. Произвести ремонтно-реставрационные работы в отношении сохраняемых конструкций...».

Из проектной части документации эти слова как-то исчезли, а появились довольно задиристые заявления: «Для воссоздания здания «Нумерных казарм» необходимо:

1. Выполнить расчистку завалов и обрушенных конструкций и демонтаж аварийных участков.

2. Выполнить обследование и разработать отдельный проект реставрации крепостной стены с учетом данного проекта по воссозданию «Нумерных казарм».

3. Выполнить реставрацию крепостной стены, учитывая последующие работы по воссозданию «Нумерных казарм».

4. Выполнить работы по воссозданию «Нумерных казарм» в соответствии с данным проектом».

Здесь уже невозможно согласиться ни по единому пункту.

1. Если имеется желание хоть что-либо сохранить от Нумерных казарм, а не воссоздавать их на пустом месте, следует укрепить то, что осталось ещё до разборки завалов – насколько удастся. Это вполне возможно и необходимо сделать в отношении теперь уже последнего свода м.о. 20 -21, как о том писалось ещё в 2012 году. Только после этого допустимо начинать расчистку от завалов с одновременным усилением и консервацией того, что будет открываться (инъектированием и выравниванием кладки, вычинками, перекладкой, укрытием).

- 2; 3. Эти пункты – суть попытка переложить собственные недоработки и неприемлемые решения на других. Если Вы грозите изуродовать примыканием своей кровли и своих бетонных оболочек соседний объект, то его реставраторы не должны с этим соглашаться. Под новые конструкции можете сами подвести модернистские опоры, как Вы это проделали в проектах лестничных узлов; можете повесить свои оболочки к поставленным вдоль прясла фермам для коровников. Не облакачивайтесь на подлинник.

4. В свете всего изложенного на предыдущих страницах приходится сделать вывод, что при реализации проекта «Ордера» от подлинной постройки не останется «ни вершков, ни корешков», а воссоздано будет нечто весьма отдаленно напоминающее Нумерные казармы.

Впрочем, имеются и другие точки зрения.

Вот г-н А.Н. Колякин, недавний директор ГМИ СПб, подписал проект, и это неудивительно: заслуженный человек, государственного масштаба. Последовательно трудился на приоритетных направлениях: сначала во главе Обкома ВЛКСМ, потом еще где-то, потом во главе гостиницы «Европейская», потом в представительстве г. Москвы в г. Санкт-Петербурге и, потом, во главе Музея Истории. Как говорил Леонид Ильич: «Советские люди знают: где Партия – там успех, там победа!» И наоборот. В ком эффективные менеджеры зрят соуправителей Государства – тоже все помнят. Чтобы проворно, не горько, не солоно – препятствия не нужны. А кроме того, труд «Ордера» нашел поддержку и у людей мира науки, определенно знакомых с предметом и вовсе не доверчивых. По заказу ООО «М.Г. Прайват Реконстракшн» у них было собрание. Встретились, обсудили, постановили: провести экспертизу. Провели и дали положительное заключение. Прокофьев М.Ф., Овсянникова А.А., Глинская Н.Б. Историк, архитектор, кандидат искусствоведения. Знакомишься с послужным списком экспертов и как-то тоскливо становится. Можно сказать, собственная жизнь на закате, вся прошла подле реставрации, но ведь с 6 лет до 16 – зритель, с 16 до 24 – чертежник и только оставшиеся годы – архитектор. А тут – 38 лет стажа работы по специальности, 40 лет работы по специальности, 45 лет работы по специальности. Это сколько же объектов истории и культуры на счету у тройки особого совещания?

И ничего ведь не изменишь, не вернешь. Хорошо хоть бумага помнит – *Conservat omnia*.

Читайте, не завидуйте.....

А.Е. Гунич, почётный реставратор г.
Санкт-Петербурга, с 1974 по 2020 сотрудник
института «Ленпроектреставрация».

Иллюстрации

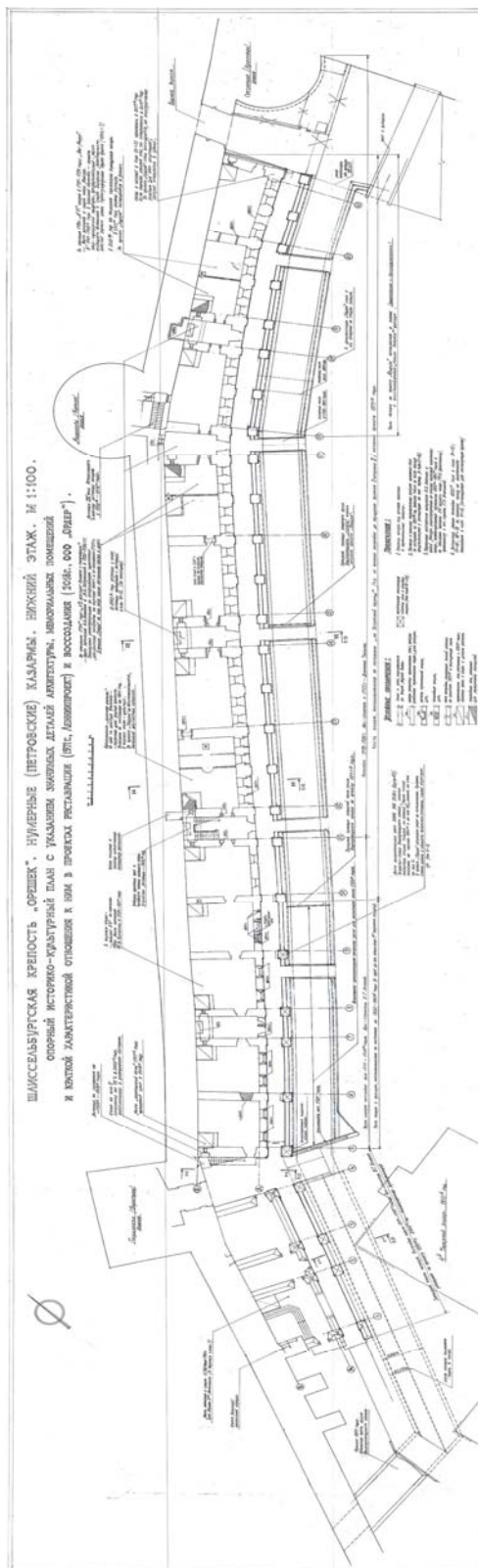

Рис. 1. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Нумерные (Петровские) казармы. Нижний этаж. М 1:100

Опорный историко-культурный план с указанием значимых деталей архитектуры, мемориальных помещений и краткой характеристикой отношения к ним в проектах реставрации (1971 г., Ленниипроект) и воссоздания (2018 г., ООО "Ордер").

Рис. 2. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Фасад "Петровских казарм и "Зверинца"
 (Эскизный проект использования объектов крепости Орешек... 1976 г. институт
 Гипроотеатр)

Чертёж архитектора Е.Г.Араповой. Уточнения по состоянию сведений на 2021 г.
 архитектора Гунича А.Е.

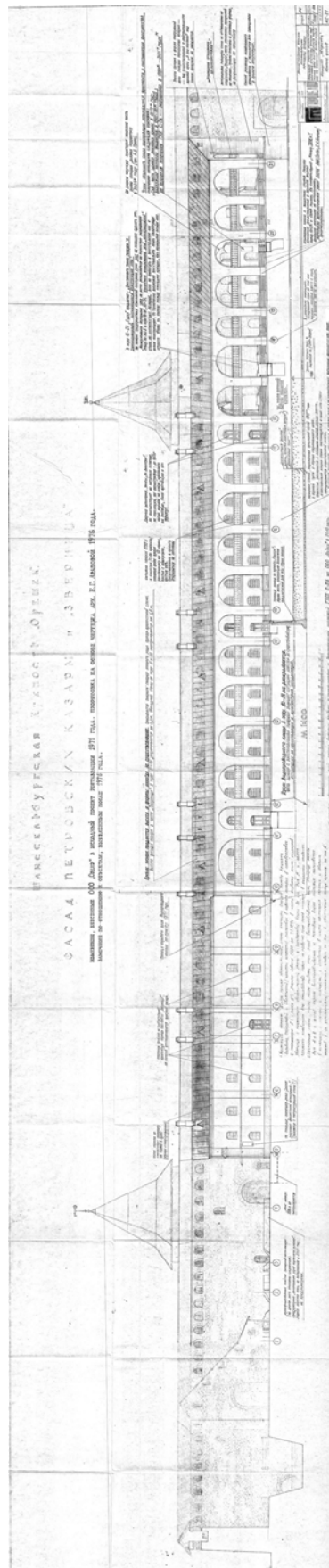

Рис. 3. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Фасад "Петровских казарм и "Зверинца"
 Изменения, внесённые ООО "Ордер" в исходный проект реставрации 1971 года.
 Прорисовка на основе чертежа архитектора Е.Г.Араповой 1976 года.
 Замечания по отношению к объектам, выявленным после 1976 года.

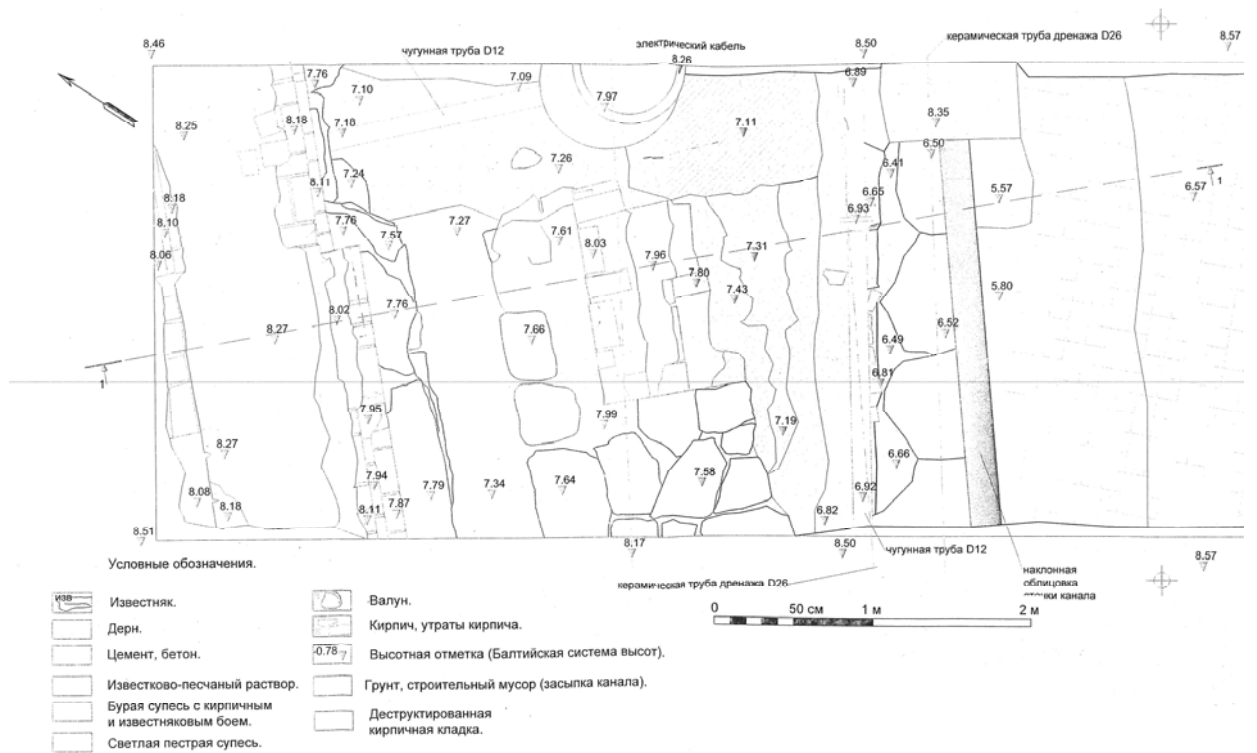

Рис. 4. Нумерные казармы. Южный фасад и стенка Водопроводного канала. Археологический шурф №2 на оси 9. План. ИИМК РАН 2018 г.

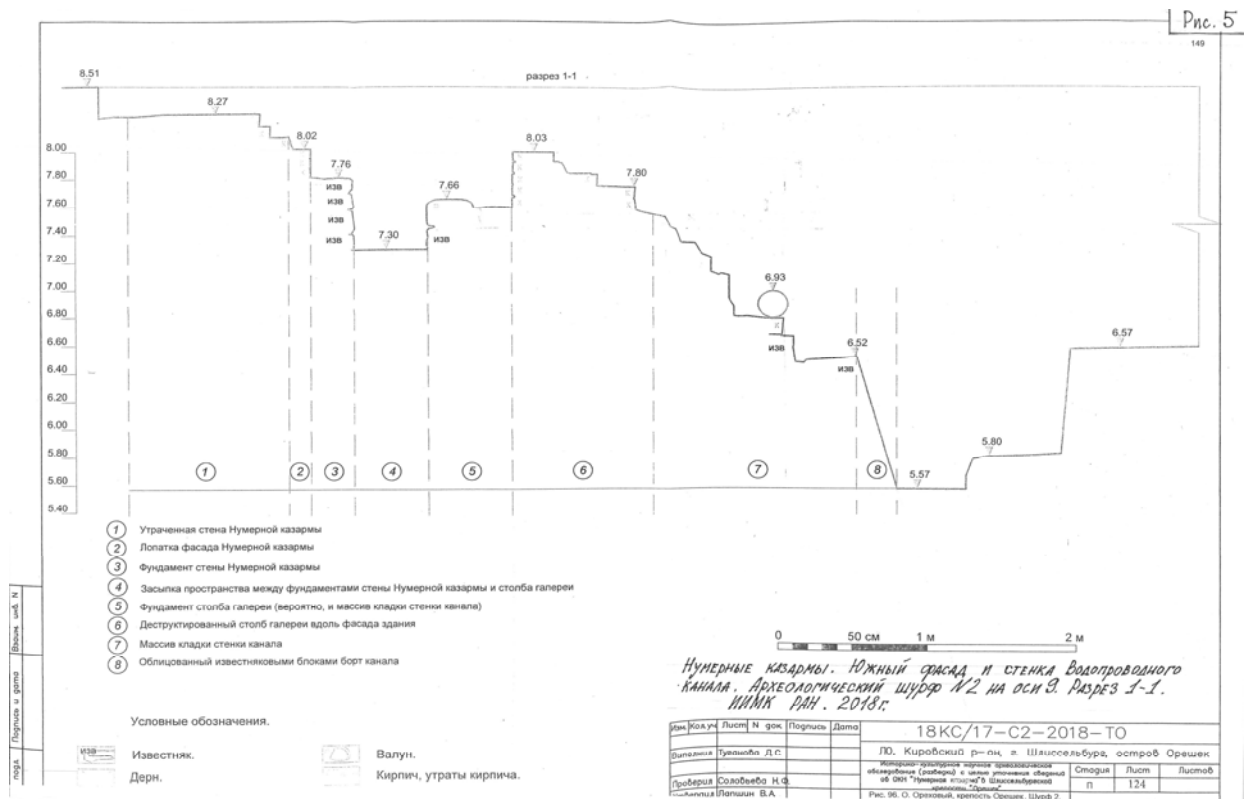

Рис. 5. Нумерные казармы. Южный фасад и стенка Водопроводного канала. Разрез 1-1. ИИМК РАН 2018 г.

*Рис. 6. Нумерные казармы. Южный фасад и стенка Водопроводного канала.
Фотофиксация №86 на момент окончания работ. ИИМК РАН 2018 г.*

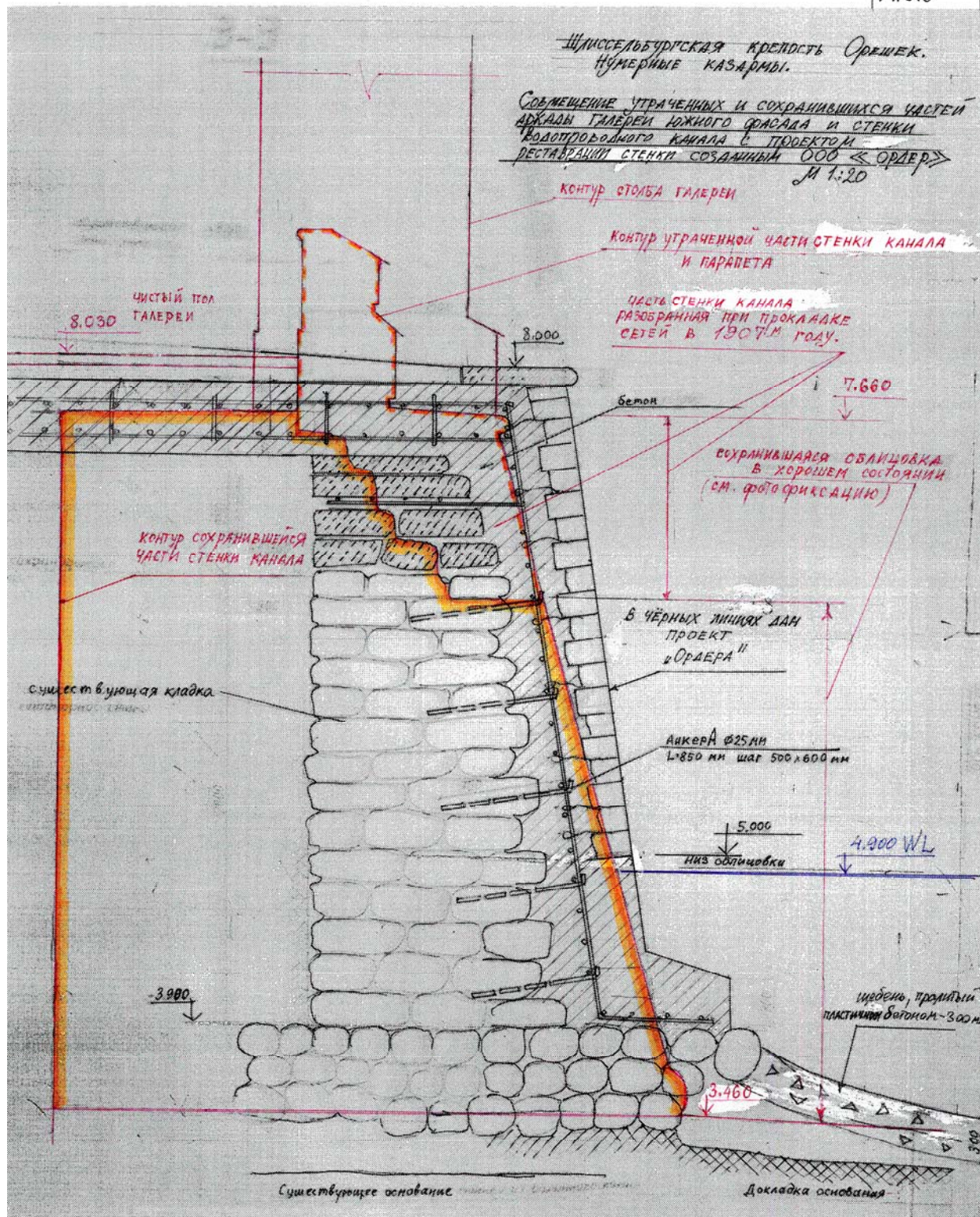

Рис. 9. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Нумерные казармы. Совмещение утраченных и сохранившихся частей аркады галереи южного фасада и стенки водопроводного канала с проектом реставрации стенки, созданным ООО "Ордер".

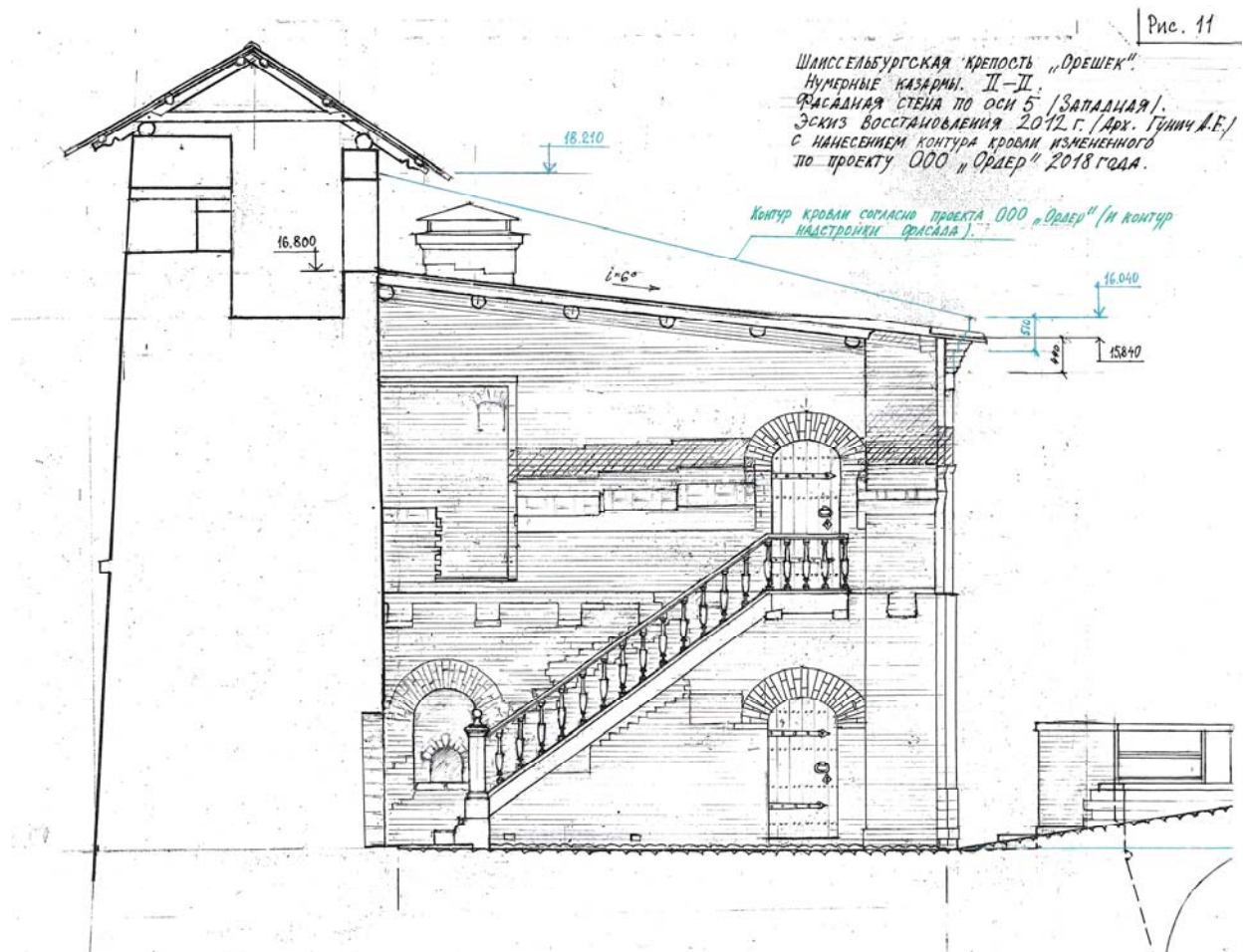

Рис. 11. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Нумерные казармы. II - II. Западная фасадная стена, согласно эскиза восстановления 2012 г. (архитектор Гунич А.Е.) с нанесением изменённого контура кровли по проекту ООО "Ордер" 2018 г.

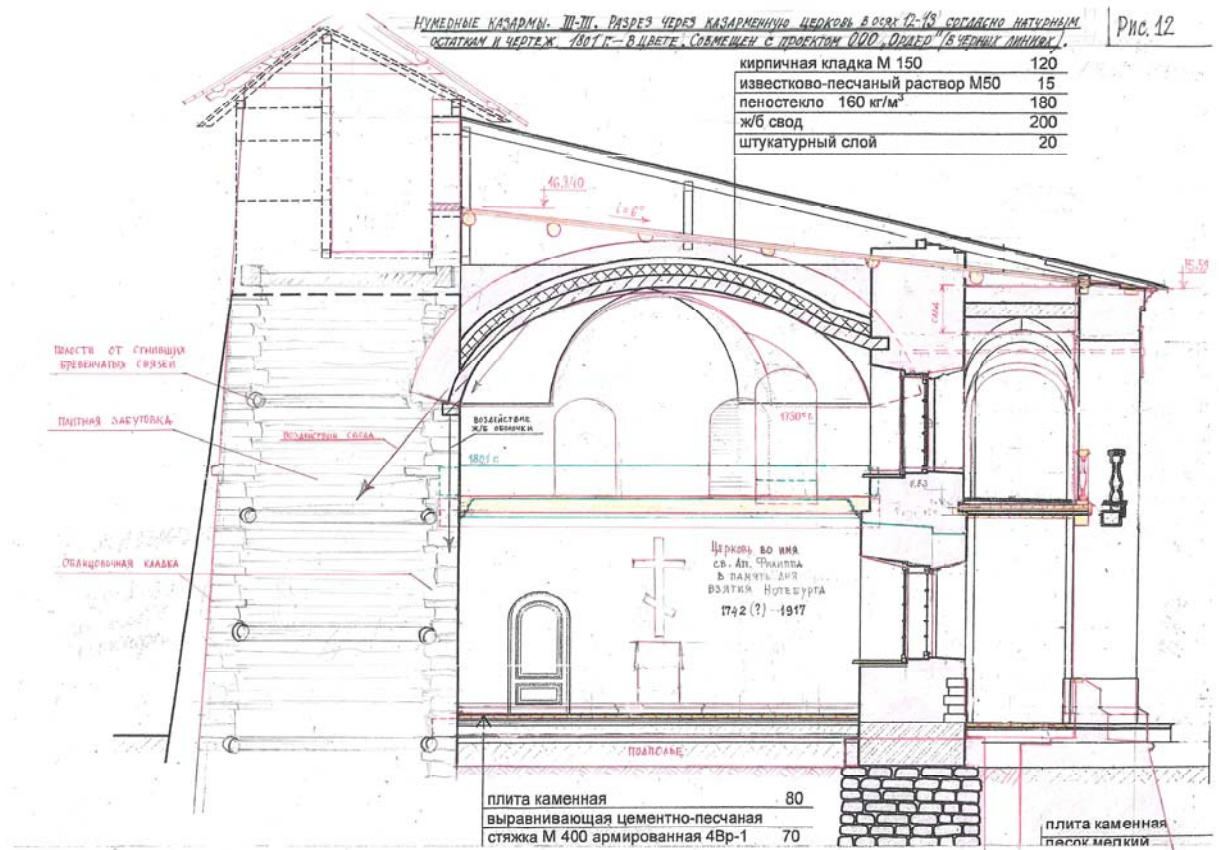

Рис. 12. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Нумерные казармы. III - III. Разрез через казарменную церковь в осях 12-13 согласно натурным остаткам и чертежам 1801 г. (в цвете) совмещён с проектом ООО "Ордер" (в чёрных линиях).

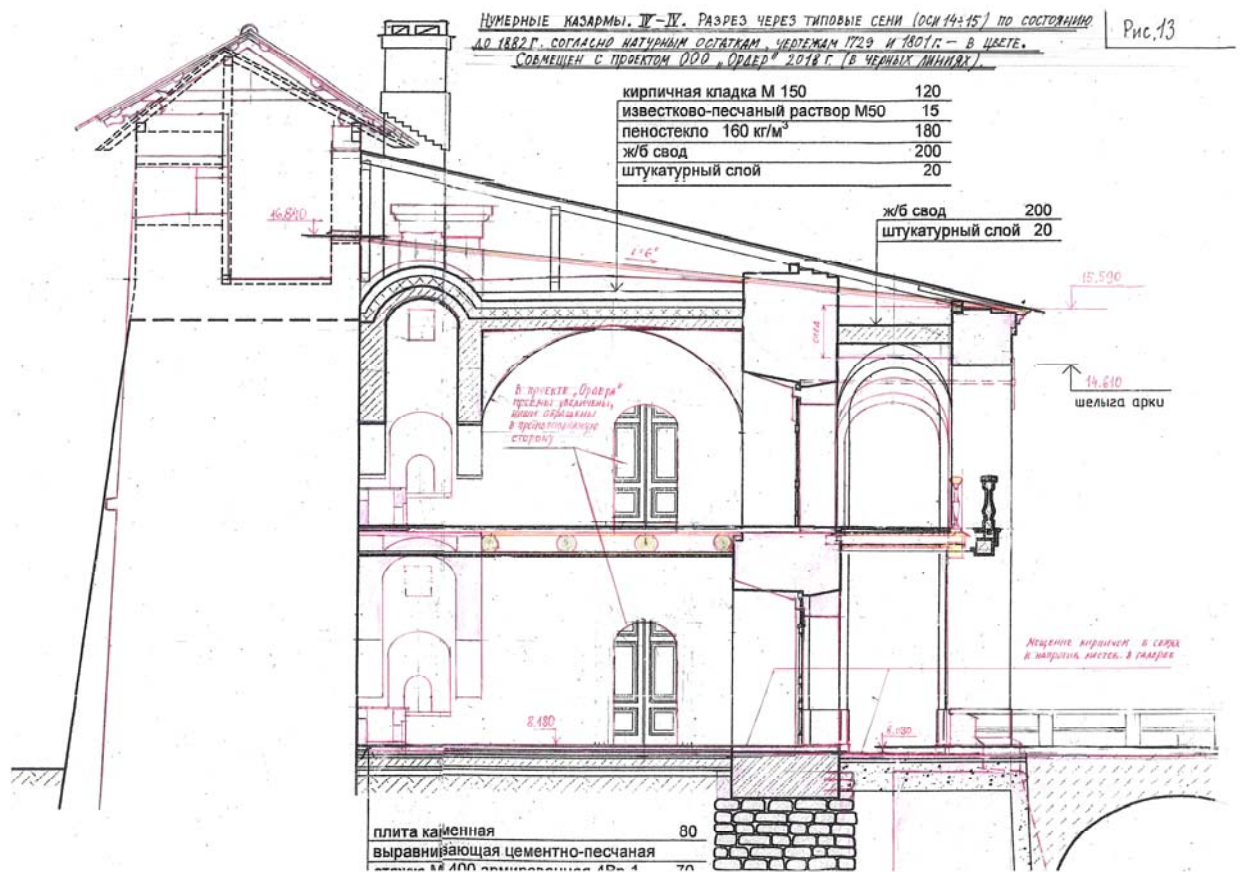
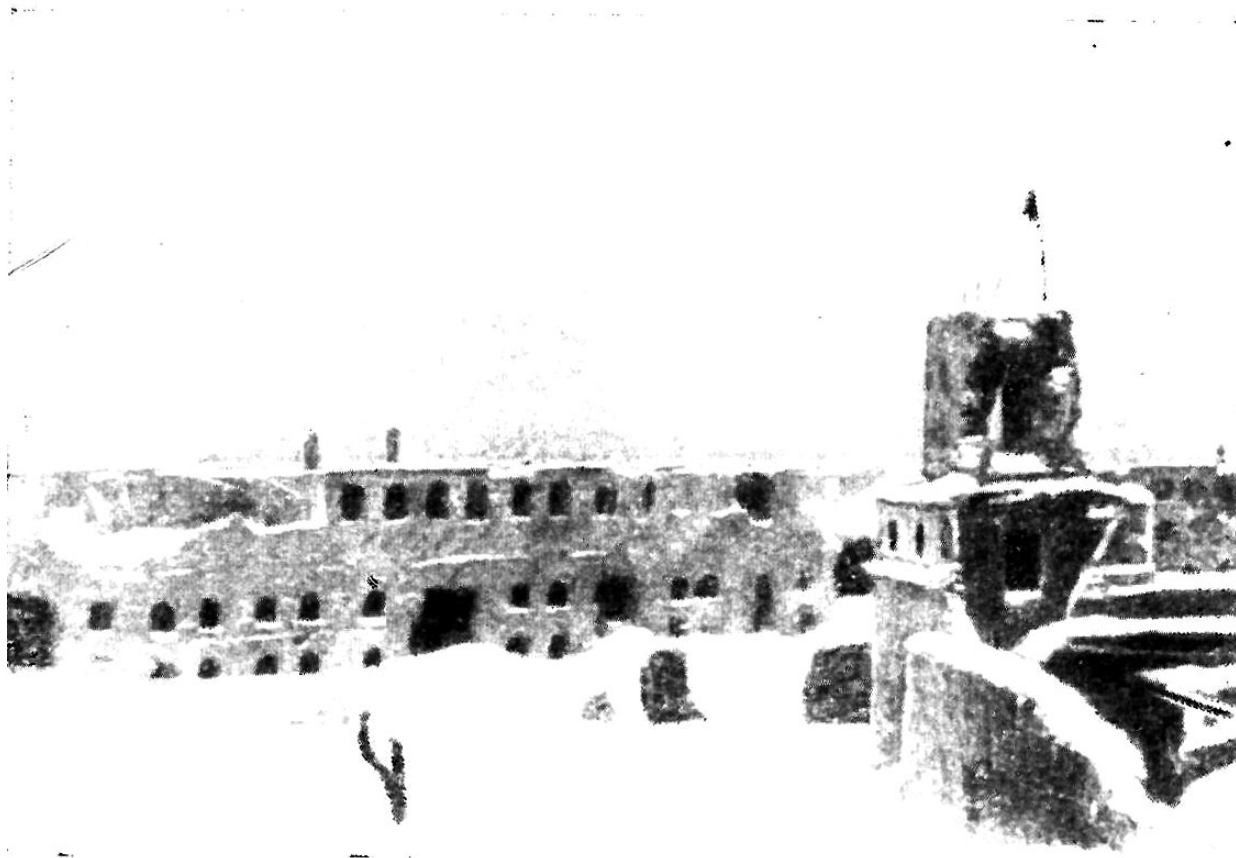

Рис. 13. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Нумерные казармы. IV - IV. Разрез через типовые сени (оси 14-15) по состоянию до 1882 г. согласно натурным остаткам, чертежам 1729 г. и 1801 г. Совмещён с проектом ООО "Ордер" 2018 г. (в чёрных линиях).

Рис. 14. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Нумерные казармы. Общий вид казарм в 1944 г. / П.Я.Канн, Ю.И.Кораблёв. Петрокрепость. Орешек - Шлиссельбург - Петрокрепость. Историко-революционный очерк. Лениздат 1961 г. С. 265

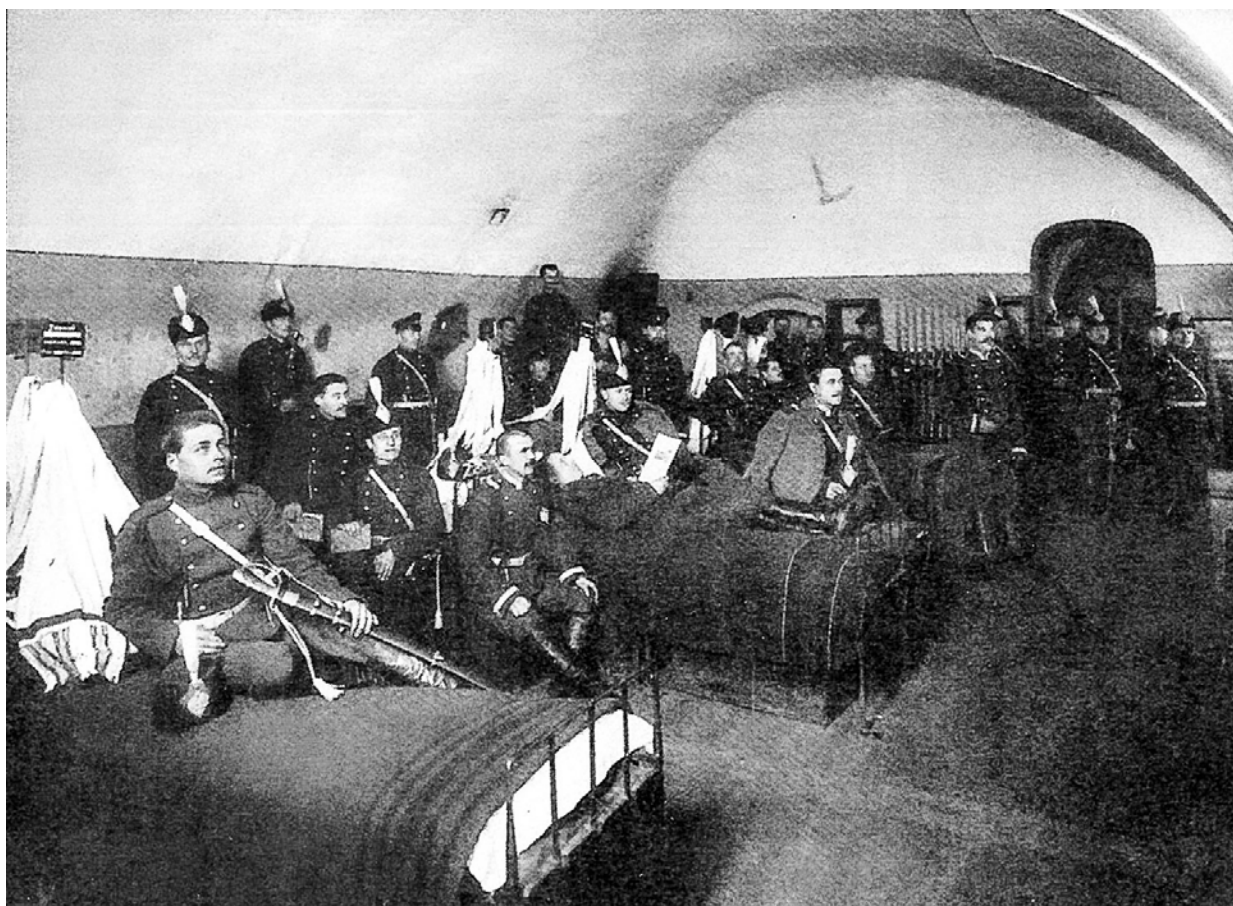

Рис. 15. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Нумерные казармы. Общий вид казарм в 1968 г. / Иогансен М.В., Кирпичников А.Н. "Петровский Шлиссельбург" // Русское искусство первой четверти XVIII в. С. 32-33

Рис. 16. Шлиссельбургская крепость "Орешек". Нумерные казармы в 1993 г. Институт Ленпроектреставрация.

Рис. 18. Каземат верхнего этажа Нумерных казарм в осях 18' - 19. Фотография К. Буллы 1902 г. (?). Шлиссельбургская каторжная тюрьма в фотографиях К. Буллы. СПб 2015. С. 14

*Рис. 19. Часть казарм в осях 18' - 21. 1970 г. Иогансен М.В., Кирпичников А.Н.
"Петровский Шлиссельбург" // Русское искусство первой четверти XVIII в. С. 32-33*